

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им.В.П. АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П.Астафьева)

Институт/факультет Исторический факультет
(полное наименование института/факультета)

Кафедра Отечественной истории
(полное наименование кафедры)

Специальность 44.03.05.62 «педагогическое образование»
(код ОКСО и наименование специальности)

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ
Зав.кафедрой Отечественной истории
(полное наименование кафедры)

И.Н. Ценюга
(И.О.Фамилия)

(подпись) _____

« _____ » _____ 2016 г.

Выпускная квалификационная работа

**Коллаборацинизм советских граждан в годы Великой
Отечественной войны 1941-1945 года в отечественной
историографии**

Выполнил студент группы 51 группа
(номер группы)

.А. В. Гагарин
(И.О.Фамилия)

Форма обучения очная

Научный руководитель:
к.и.н., доц. А. В. Толмачёва
(ученая степень, должность, И.О.Фамилия)

_____ (подпись, дата)

Дата защиты _____

Оценка _____

Красноярск
2016

Оглавление

<i>Введение</i>	3-13
<i>Глава 1 . Феномен коллаборационизма в исторических трудах и публикациях.</i>	
1.1 Понятие коллаборационизма.....	13-24
1.2 Категории коллаборационистов выделяемые отечественными исследователями.....	24-33
<i>Глава 2. Причины и масштабы коллаборационизма советских граждан в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии.</i>	
2.1 Причины коллаборационизма.....	34-40
2.2 Численность и национальный состав коллаборационистов.....	41-48
<i>Глава 3. Боевое применение частей добровольцев из числа советских граждан в исторических трудах и публикациях.</i>	
3.1 «Народные армии и национальные части в отечественной историографии.....	49-59
3.2 Власовское движение в освещении историков.....	60-70
<i>Заключение</i>	71-74
<i>Библиография</i>	75-78

Введение

Актуальность

Вторая мировая война вошла в историю как одно из самых значительных событий 20 века и величайшая трагедия человечества. Она не имела равных себе по числу вовлечённых в борьбу государств, масштабам военных действий, человеческим жертвам и разрушениям. Демографические и социально-политические последствия этой войны сказываются до сих пор, а память о ней ещё долго будет будоражить общественное сознание.

Несмотря на то, что столь грандиозное событие в целом нашло достойное отражение в мировой и отечественной историографии, этого нельзя сказать о многих важных его аспектах.

В своих мемуарах Г.К. Жуков писал: «Где бы не находился советский человек, на фронте, в тылу врага, в фашистских лагерях, - везде и всюду он делал всё от него зависящее, чтобы приблизить час победы»¹.

Тем не менее до сих пор едва ли не самым сложным и противоречивым а истории Второй мировой войны и Великой Отечественной Войны является вопрос сотрудничества с врагом граждан оккупированных Германией государств и как одна из форм этого сотрудничества — их служба в национальных добровольческих формированиях германских вооружённых сил.

Долгие годы все те, кто оказались по вражескую сторону фронт, подвергались осуждению, масштабы коллаборационизма преуменьшались, а его причины сводились к низменным качествам отдельных лиц — от страха и тщеславия до жажды наживы ненависти к советской власти. Только в последние два десятилетия в отечественной историографии данная проблема стала предметом специального научного анализа, а накопление значительного фактического материала позволило историкам дать объективную оценку данного явления.

Степень изученности темы: В историографии проблемы дипломного исследования можно два периода: советский, начавшийся с с окончанием войны и продлившийся до 1991 года, и российский — с 1991 года по настоящий момент.

Несмотря то что прошло свыше шести десятилетий со времени завершения Второй мировой войны, сегодня мы можем констатировать, что до сих пор нет отдельных обобщающих трудов, посвящённых историографии коллаборационизма советских граждан в года Великой отечественной войны. Даже в 6 томе такого фундаментального труда о событиях второй мировой войны, как «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945», выпущенный в 1960-1965 гг. Военным издательством министерства обороны СССР, дан историографический обзор советских и зарубежных работ, посвящённым отдельным проблемам прошедшей войны. Однако в нём вообще нет статей ни о коллаборационизме в СССР, ни в его организациях, ни о

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.1 М. 1990 Стр.365

персональных представителях² Отсутствуют и специальные историографические исследования по этой теме поскольку до «перестройки» эти вопросы не являлись предметом отечественных научных исследований, Правда, за такое положение не стоит обвинять историков. Эту проблематику долгое время держали под своим контролем идеологические органы КПСС, делая её запретной, так как это противоречило партийной концепции о «морально-политическом единстве советского народа».

Отсутствуют и специальные историографические исследования по этой теме, поскольку до «перестройки» эти вопросы не являлись предметом отечественных научных исследований. Правда за такое положение нельзя

Либерализации общественной жизни конца 80-х годов прошлого века в нашей стране привела к тому что, в 1990-х годах начался новый этап в историографии, произошло «пробуждение» научного внимания к проблеме, были введен в научный оборот новые сведения, предпринят первый опыт систематизации фактов, а также появляются первые работы с историографическим обзором по данной проблеме. Первым исследователем, который поднял вопросы историографии был С. Кудряшов. В своей статье «Предатели, «освободители» или жертвы войны? Советский коллаборационизм (1941-1942)» он обозначил основные подходы к указанной проблеме в зарубежной и советской историографии. Кудряшов первый указал односторонность советской историографии, по его мнению, для неё характерны такие определения как «предатели», «изменники», «пособники оккупантов», «антисоветские элементы»³ и т. д.

Более подробный и детальный историографический анализ проделан во введении фундаментального труда известного российского военного историка, доктора исторических наук М. И. Семиряги «Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй Мировой Войны». В нём обозначены основные подходы и взгляды историков, по данной проблеме в советской, российской и зарубежной историографии. Он рассмотрел, хотя в общих чертах, отношения исследователей к коллаборационизму вообще, каковы причины и проявления этого явления выделяли историки, Выявил недостатки не только отдельных трудов, но имеющиеся проблемы в советской, российской и зарубежной историографии в освящении этого явления. Так автор утверждает, что в «советской [историографии] наиболее полно освещена проблема о характере и особенностях немецко-фашистского режима, устнавленного на временно оккупированной территории Советского Союза лишь с беглым упомяанием о деятельности коллаборационистов. А в некоторых российских и зарубежных работах достаточно жёстко раскрывается предательство некоторых граждан и даже целых малых народов Советского Союза в годы войны и оккупации. При это полностью игнорируется причинно-

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Тю

³ Кудряшов С. «Предатели, освободители или жертвы войны? Советский коллаборационизм 1941-1942 //Свободная мысль, 1993 №14. Стр 84-85

следственная связь, то есть случаи предательства, с вызвавшими его глубинными, уходящими вглубь десятилетий причинами. Таким путём создаётся поверхностная и примитивная картина, на основании которой эти граждане, целые народы рассматриваются как предатели»⁴

Историографические обзоры по проблеме коллаборационизма имеются в работах современных российских историков С.И. Дробязко⁵, Б.Н. Ковалёва⁶. А среди зарубежных Й. Хоффмана и его труд «Власов против Сталина. Трагедия Русской Освободительной Армии 1944-1945»⁷.

К сожалению, во всех перечисленных работах дан лишь краткий историографический обзор имеющейся литературы по данной проблеме, что естественно повлияло на недостаточно полное и всестороннее освещение взглядов историков. А на некоторые аспекты не даны вообще. Тем не менее они представляют значительный интерес, так как являются первыми работами такого рода. А сами исследователи внесли значительный вклад в освещение историографии коллаборационизма советских граждан в годы Великой Отечественной Войны.

Таким образом. На современном этапе развития отечественной историографии ВОВ назрела необходимость обобщить имеющуюся литературу о коллаборационизме советских граждан в годы войны.

Целью данного исследования является анализ отечественной историографии ВОВ на предмет степени изученности проблем коллаборационизма советских граждан.

Исходя из этой цели, нами поставлены следующие **научные задачи** :

- определить подходы историков к определению термина «коллаборационизм» и охарактеризовать предлагаемые типологии коллаборационизма в историографии;
- проанализировать причины коллаборационизма, выделяемые историками;
- показать имеющиеся подходы историков в определении численности и национального состава коллаборационистов;
- выявить подходы историков к освещению вопросов боевого применения частей добровольцев в отечественной историографии Великой отечественной войны;
- определить степень изученности в отечественной историографии вопросов связанных с формированием и применением национальных частей;

⁴ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М. 2000. Стр. 11-19.

⁵ Дробязко С.И. Под знаменем врага. Антисовесткие формирования в составе германских вооружённых сил 1941-1945. М. 2004. Стр.7-21.

⁶ Ковалёв Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941-1944. М., 2004. Стр. 10-29.

⁷ Хоффман Й. Власов против Сталина. Трагедия Русской Освободительной Армии 1944-1945. Пер. С нем. М.2005. Стр.6-24

- проанализировать подходы историков к освещению «власовского движения» в отечественной историографии.

Объектом данного исследования является советская/российская историография ВОВ.

Предметом исследования являются вопросы коллаборационизма советских граждан в годы ВОВ в советской/российской историографии.

Хронологические рамки 1945-2015.

В рамках этого периода можно выделить три этапа. Первые два — Советские, а третий российский. Каждый из этих периодов имеет свои отличительные черты в тарктовке вопросов коллаборационизма советских граждан с врагом.

1. 1945-1985 гг. - на этом этапе советская историография фактически игнорировала вопросы коллаборационизма, а если и появлялись отдельные работы, то весьма искажённо и однобоко. Для них характерно стремление свести проблему к констатации отдельных случаев предательства со стороны своих граждан, и таким образом, скрыть истинные масштабы этого процесса, а с другой стороны, проблема рассматривалась только под углом морально-этических принципов, когда сотрудничество советских граждан с врагом однозначно воспринималось как предательство по отношению к народу и стране.

2. 1985-1991 — начало «перестройки» в нашей стране привело к «пробуждению» научного внимания к проблеме, были введены в научный оборот новые сведения, предпринят первый опыт систематизации фактов. Проблема коллаборационизма постепенно вышла на новый научный уровень.

3. 1991-2015 — на этом этапе в российской историографии появились детальные исследования по различным аспектам движения коллаборационистов.

Методическую основу исследования составили современная философия и методология науки. В работе использованы конкретно-исторический, проблемно-хронологический и системный подходы, предлагающие рассмотрение явлений, фактов, событий в их исторической приемственности, развитии и взаимосвязях.

В основу исследования были положены общенаучные принципы историзма и объективности. Применение первого из них позволяет рассмотреть объект изучения во всём его многообразии и противоречивой сущности, что, в свою очередь, даёт возможность проанализировать свои тенденции развития вопросов коллаборационизма советских граждан в годы войны в советской/российской историографии Великой Отечественной войны, с учётом конкретной исторической обстановки соответствующего периода. Второй принцип ориентирует исследователей на беспристрастный подход к историческим процессам.

Основным методом исследования явился сравнительный метод, позволяющий проследить закономерности исследуемых процессов.

Источниковая база исследования: В своей работе мы используем два основных вида источников: мемуары и научные исследования по данной теме.

Мемуарной литературы по данной теме крайне мало. Можно выделить статью очевидца, участника власовского движения И. Новосельцева - «Андрей Андреевич Власов». Для автора А.А. Власов — это патриот, человек, который хотел освободиться от орды советской, но не пойти под орду немецкую⁸.

Им. Левин [Ветеран 2-й Ударной Армии] опубликовал свои воспоминания. Центральное место в них занимает фигура А.А. Власова⁹.

Необходимо отметить, что авторы многих мемуаров с хорошим пониманием обстановки и чувством рассказывают о минувших событиях. Они используют воспоминания своих товарищей по борьбе, их устные рассказы, письма. Всё это является хорошим подспорьем для разработки проблемы.

Но мемуарная литература имеет и свои недостатки из-за присутствия субъективного момента. Нередко авторы воспоминаний оставляют в стороне свои ошибки и промахи, пытаются представить себя в более выигрышном свете. Поэтому необходимо с осторожностью относиться к такой литературе.

Среди научных исследований по данной теме необходимо выделить обобщающую работу о предыдущей войне: «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Военно-исторические очерки»¹⁰ в 4 книгах. В 4 книге имеется отдельная глава, посвящённая сотрудничеству советских граждан с врагом. Из монографических исследовательских работ выделяется фундаментальный труд М.И Семиряги «Коллаборационизм, природа, типология и проявления в годы Второй Мировой войны»¹¹ в первые в отечественной науке объединивший в одной работе вопросы сотрудничества с противником жителей стран с разным политическим строем. На основе солидной источниковой базы автор объективно рассуждает о причинах и характере проявления коллаборационизма в разных странах, выделяя разные формы сотрудничества. Заслуга автора состоит в том, что сотрудничество советских граждан с врагом рассматривается не как банальное предательство, а как сложно социально-политическое явление, имеющее свои глубокие причины и предпосылки. В этой работе убедительно доказывается, что коллаборационизм — это разновидность фашизма и практика сотрудничества национальных предателей с гитлеровскими оккупационными властями в ущерб своему народу и Родине.

Из трудов российских исследователей по проблеме коллаборационизма следует отметить работу Б.Н. Ковалёва¹². Автор рассматривает данный вопрос в контексте германской оккупационной политики занятых германскими войсками районах РСФСР. Наибольшее внимание уделяется административной системе, социально-экономическими отношениям и пропаганде среди

⁸ Новосельцев. И. Андрей Андреевич Власов. //Родина 1991г. №3.

⁹ Им. Левин. Генерал Власов по ту и эту сторонцу фронта. ДИП. (Детектив. История. Политика). №2, 1995.

¹⁰ «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Военно-исторические очерки». М. 1999

¹¹ М.И Семиряги «Коллаборационизм, природа, типология и проявления в годы Второй Мировой войны». М. 2000.

¹² Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941-1944. М. 2001.

советского населения. Что касается аспектов, связанных с созданием и использованием немцами антисоветских вооружённых формирований, то они отображены в книге крайне слабо и бессистемно. Серьёзным недостатком работы является также сильная идеологическая предвзятость автора, целиком стоящего на позициях старой советской историографии и воспринимающего любые попытки взглянуть на проблему сотрудничества с врагом под иным углом, как стремление реабилитировать предателей.

Работа С. Чуева «Проклятые солдаты» даёт общее представление о формировании вооружённых сил Третьего Рейха из числа граждан СССР и эмигрантов¹³. Большое внимание также уделено украинским, белорусским, прибалтийским и восточным добровольческим формированиям в составе германских вооружённых сил. Анализ данной работы позволяет определить позицию автора, для которого нельзя ничем оправдать сотрудничество с врагом.

Работа К. Семёнова «Войска СС» для нас представляет интерес в том, в ней автор приводит данные национального и численного состава добровольцев в германских войсках СС, в том числе и советских граждан¹⁴.

Коллаборационизму в Литве, Латвии и Эстонии посвящена работа М.Ю. Крысина¹⁵, подготовленная на основе обширной источниковой базы, включающей нескольких российских архивов и литературу, изданную в СССР, постсоветской России и на Западе. Автор подробно анализирует систему управления оккупированной территории и приводит боевой численный состав добровольческих подразделений и соединений, созданных за годы войны на территории Прибалтики. Большое внимание уделяется социально-экономическим причинам коллаборационизма, но при этом игнорируется размах антисоветских настроений среди широких слоёв населения, а массовый характер сотрудничества с оккупантами и «национального сопротивления» после окончания оккупации объясняется влиянием пропаганды и «активной деятельности спецслужб рейха по запугиванию населения на территориях освобождённых Красной Армией, с целью организации там «антисоветского сопротивления»¹⁶.

О.В. Романько исследовал проблему использования мусульманских легионов в вермахте.¹⁷ Автор даёт всеобъемлющее и научное видение проблем создания, организации и подготовки и боевого применения мусульманских добровольческих формирований.

Документальное исследование военного историка и писателя О.С. Смыслова посвящено А.А. Власову и так называемому «власовскому движению»¹⁸. Кроме того, в этой работе приведены уникальные материалы о русской эмиграции в

¹³ С. Чуев Проклятые солдаты. М. 2004.

¹⁴ К. Семёнов Войска СС. М. 2004.

¹⁵ Крысин М.Ю Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М. 2004.

¹⁶ Там же. Стр. 292.

¹⁷ Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй Мировой войне. М. 2004.

¹⁸ Смыслов О.С «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова. М. 2004.

межвоенный период, о сепаратистах зарубежья, об их сотрудничестве с фашистской Германией до начала Великой Отечественной войны и после.

А.А.Власову посвящена работа крупного российского историка Ю.А.Квицинского «Генерал Власов: путь предательства», стоящего на тех же идеях, что и советская историография.

Книга одного из крупнейших российских историков С.И. Дробязко, написанная на основе широкого круга архивных документов, воспоминаний, отечественной и зарубежной научной литературы, освещает вопросы возникновения, численности антисоветских вооруженных формирований, а также масштабы сотрудничества советских граждан с врагом¹⁹. Другая его работа «Вторая мировая война 1939-1945. Русская освободительная армия» рассказывает о возникновении и деятельности Русской Освободительной Армии (РОА), входившей в состав вооруженных сил нацистской Германии²⁰. Особое внимание в работе уделено истории и причинам создания этой армии, её организации.

Отдельные разделы, посвященные вопросам коллаборационизма граждан СССР в годы войны, имеются в фундаментальном труде П.М.Поляна «Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине»²¹. Основное внимание в книге уделено судьбе советских военнопленных и гражданских рабочих («остарбайтеров»), угнанных немецкими оккупантами в годы второй мировой войны на принудительные работы в Германию и репатриированных после войны в СССР. Что же касается аспектов, связанных с движением коллаборационизма, то в работе нашли отражение масштабы и категории сотрудничавших советских граждан с врагом.

В 2000 г. А.В.Окороков опубликовал монографию «Антисоветские воинские формирования в годы второй мировой войны». Одним из тезисов данной работы является утверждение, что ни в одной стране, подвергшейся германскому нападению, не нашлось столь значительного количества людей, надевших форму вражеской армии и в той или иной степени принявших участие в войне против собственного государства и его союзников²².

В сборнике статей и материалов К.М.Александрова «Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне» представлены статьи, биографические очерки, документы и материалы, посвященные участию граждан СССР и русской эмиграции на стороне Финляндии [в период советско-финляндской войны] и Германии в 1939-1945 гг. Особое внимание автор сборника уделит истории казачьих

¹⁹ Дробязко О.С. Под знаменем врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941-1945 гг. М. 2004

²⁰ Дробязко С.И. Вторая Мировая война 1939-1945. Русская освободительная армия. М. 1998.

²¹ Полян жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М. 2002.

²² Окороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М. 2000

формирований в Вермахте и власовской армии²³. Отдельная глава, посвященная проблеме сотрудничества советских граждан с врагом в годы Великой Отечественной войны, содержится в работе А.В.Толмачевой «Боевой и численный состав и потери вооруженных сил противоборствующих сторон на советско-германском фронте в годы Великой отечественной войны (1941-1945 гг.)»²⁴.

Из последних работ можно выделить две монографии российских историков: работу О.Романько «Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС»²⁵ и работу П.Крикунова «Казачи. Между Сталиным и Гитлером. Крестовый поход против большевизма»²⁶. В первом труде автор особое внимание уделил истории восточных добровольческих формирований германских вооруженных сил, набранных из числа граждан СССР, организация, подготовка и использование которых проходили в течение всей войны. Вторая работа посвящена участию казачьих частей на стороне Германии в годы Великой Отечественной войны.

Ещё одним источником работы стали публицистические статьи в специализированных периодических изданиях.

В 1973 году вышла публикация, посвященная судебному процессу над Власовым в 1946г.²⁷ В ней доказывалось, что власовское движение – всего лишь предательство своего Отечества.

В 1990-х годах, в условиях начавшегося переосмысления всей истории нашей страны, особенно 20 века, на страницах периодической печати разгорелась дискуссия о месте и роли коллаборационистского движения в России в событиях 1941-1945гг.

Публикация Н.Коренюка в журнале «Огонек» строилась в основном на мемуарах ветеранов власовского движения²⁸. Косвенно в ней признавались заслуги А.А.Власова в формировании антисталинского движения и ему приписывалось создание достаточно многочисленной армии.

Поскольку эта публикация имела большой резонанс среди научной общественности, «Военно-исторический журнал» приступил в качестве контраргументации к публикации серии очерков А.Ф.Катусева и В.Г.Оппокова. В них авторы, широко привлекая немецкие документы и материалы судебного процесса над руководством **РОА** в Москве, во многом

²³ Александров К.М. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сборник статей и материалов. Спб 2003.

²⁴ Толмачёва А.В. Боевой и численный состав и потери вооружённых сил противоборствующих сторон на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Диссертация., Красноярск. 2006.

²⁵ Романько О. «Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и СС. М. 2006

²⁶ Крикунов П. Казачи. Между Сталиным и Гитлером. Крестовый поход против большевизма. М.2006

²⁷ Тишков А.В. Предатель перед Советским судом. //Советское государство и право. 1973. №2.

²⁸ Коренюк Н. Трудно расставаться с мифами// Огонёк 1990. №46.

опровергали апологетов власовского движения. Убедительно была показана подчиненность всех без исключения коллаборационистских структур нацистам, вторичность их действий²⁹.

Из всей массы публикаций середины 1990-х годов наибольшее значение имеют статьи С.В.Кудряшова, Н.М.Раманичева и М.И.Семиряги. Используя архивные материалы, а также работы зарубежных историков, указанные авторы внесли огромный вклад на сегодняшний день в изучение движения коллаборационизма советских граждан в годы войны, чему, прежде всего, способствовал их объективный подход к предмету исследования. Их заслугой является то, что они рассматривают коллаборационизм, как сложное социально-политическое явление, имеющее глубокие причины, уходящие вглубь десятилетий³⁰.

Много публикаций по различным аспектам движения коллаборационизма граждан СССР опубликовал Л.Решин, Б.Соколов, В.В.Малиновский, О.Герчиков, А.Марагин³¹. Национальным частям в составе германских вооруженных сил посвящена статья кандидата юридических наук В.П.Ямпольского³².

Кроме того, для решения поставленных задач мы привлекали зарубежные научные исследования и мемуары по данной теме, поскольку они вносят дополнительные сведения.

Из мемуарной литературы следует отметить работу В.К.Штрик-Штрикфельдта, офицера германской армии в 1941-1945гг. Именно он занимался идеологической обработкой генерала Власова, а в течение всей войны активно работал по созданию различных русских

²⁹ Катусев А.Ф. Оппокоев В.Г. Иуды // Военно-исторический журнал. 1990. №4 ; Движение, которого не было или история власовского предательства.// Военно-исторический.. 1991. №4.

³⁰ Кудряшов С. Предатели, «освободители» или жертвы войны?: Советский коллаборационизм (1941-1942)// Свободная мысль, 1993, №14; Раманичев Н.М. Власов и другие //Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М. 1995.

³¹ Решин Л. Коллаборационисты и жертвы режима// Знамя 1994.

³² Ямпольский В.П «Мусульманская плаха для России. // Военно-исторический журнал, 1996, №5

коллорационистских структур. В 1975 г. им была выпущена книга «Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение». В 1993г. она вышла новым изданием в Москве. Описывая русскую коллаборацию в исключительно светлых тонах автор, однако, признает, что руководство Германии пошло на контакт с Власовым лишь к концу войны, когда боевые действия стали вестись уже на территории германии. До этого он воспринимался ими как чисто рекламный трюк, предназначенный для дезориентации населения Советского Союза.

Среди зарубежной научной литературы особую значимость представляет статистическое исследование немецкого историка Мюллер-Гиллебранда Б. «Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг.». В этом фундаментальном труде автор приводит сведения о боевом составе иностранных формирований, принимавших участие в войне на стороне вермахта. Также он сообщает частичные сведения о количестве коллаборационистов и раскрывает динамику изменения их численности³³.

Нельзя обойти вниманием и работы « Власов против Сталина. Трагедия Русской освободительной армии, 1944-1945»³⁴ и «История власовской армии»³⁵. Автор - западногерманский военный историк Й. Хоффман крупнейший из специалистов по антисоветским вооруженным формированиям из представителей различных народов СССР в годы Второй мировой войны. Позиция Хоффмана является крайностью, противоположной другой - огульному объявлению всех коллаборационистов военными преступниками, предателями и изменниками Родины. Возникновение в составе вермахта формирований из граждан СССР и участие их в боевых действиях имеет скорее политическое, чем собственно военное значение, а массовый характер этого явления автор объясняет сознательным выбором

³³ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. М.2002

³⁴ Хоффман Й. Власов против Сталина. Трагедия Русской Освободительной Армии. 1944-1945. М.2005.

³⁵ Хоффман Й. История власовской армии. Перевод с немецкого. Париж 1990.

участников антисоветских формирований, боровшихся против сталинской диктатуры. При этом движение генерала Власова он рассматривает как «третью силу» Второй мировой войны.

В концептуальном плане традиции теории «Третьей силы» продолжила статья английского историка Е.Андреевой «Генерал власов и Русское Освободительное движение. Она проанализировала основные пропагандистские акции русской коллаборации и дала характеристику руководству РОА³⁶.

Таким образом, источниковая база достаточна для решения поставленных задач дипломного исследования.

³⁶ Андреева Е. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. // Дружба народов. 1991 №5

Глава 1

Феномен коллаборационизма в исторических трудах и публикациях.

1.1 Понятие и типология коллаборационизма

Одним из важнейших аспектов в понимании движения коллаборационизма советских граждан в годы Великой Отечественной войны является само его определение. В зависимости от него формируется позиция авторов и их взгляд на все последующие процессы.

Так в словаре иностранных слов понятие «коллаборационист» (от французского *collaboration*) означает изменника, предателя родины, лицо, сотрудничавшее с немецкими захватчиками в оккупированных ими странах в годы Второй мировой войны (1939-1945)³⁷

Что касается советской исторической науки, то до конца 1980-х годов данная тема была предана забвению. В общих работах о войне коллаборационизм обычно упоминался в связи с описанием фашистской оккупации: «Верными лакеями фашистов в проведении всех мероприятий по порабощению народа и уничтожению советских патриотов были буржуазные националисты, в том числе националистическое отребье, прибывшее в обозе гитлеровской армии». Кратко говорилось, что немецко-фашистские оккупанты лживой пропагандой стремились привлечь на свою сторону хотя бы часть населения захваченных районов, попытались создать местные марионеточные правительства и различные буржуазно-националистические организации. «Но фашистам не удалось обмануть советских людей.

³⁷ Современный словарь иностранных слов. 1993. Стр 287.

Изменников и предателей, шпионов и грязных авантюристов народ заклеймил беспощадным презрением», делали вывод советские историки³⁸.

Необходимо отметить, что в отечественной историографии советского периода в случае необходимости объяснялся скорее термин «коллорабационист» (личность), нежели чем «коллорабационизм» (явление), тем самым подчеркивалось, что само по себе это явление было малозначительным, недостойным упоминания, а так же что коллорабационисты - отдельно взятые личности - являлись незаметным недоразумением в период Второй мировой войны.

Так Большая советская энциклопедия дает определение такое термину «коллорабационисты» это изменники родины, лица сотрудничавшие с фашистскими захватчиками на оккупированной гитлеровской Германией и ее союзниками и сателлитами территориях³⁹. В российской историографии появляются трактовки термина «коллорабационизм» как явление.

Так исследователь Б.Н. Ковалёв определяет коллорабационизм как «содействие в военное время агрессору со стороны граждан обороняющегося государства в ущерб своей Родине и народу»⁴⁰ При этом он отмечает, что в условиях оккупации ряда районов нашей страны деятельность коллорабационистов должна быть охарактеризована как измена Родине, как в нравственном, так и в уголовно- правовом смысле этого понятия. Заметим, что такая позиция была присуща советской историографии.

Другой крупнейший исследователь данной проблемы М.И.Семиряга в своей работе «Коллорабационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны» утверждает, что никакая армия, действующая в качестве оккупантов какой-либо страны, не может обойтись без сотрудничества с властями и населением этой страны, потому как без подобного сотрудничества оккупационная система не может существовать: необходимы переводчики, специалисты-администраторы, хозяйственники, знатоки политического строя, местных обычаев и т.д. Комплекс этих

³⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. М. 1961.

³⁹ Большая советская инциклопедия М. 1953, Т.21. Стр 609.

⁴⁰ Б.Н. Ковалёв Нацистская оккупация и коллорабационизм в России, 1941-1944. М. 2004. Стр.482.

взаимоотношений и составляет сущность коллаборационизма. Интересен подход автора, согласно которому необходимо разграничивать такие понятия, -как «коллаборационизм» и «сотрудничество». Первое понятие рассматривается как синоним «осознанного предательства и измены» и обозначает «содействие в военное время агрессору со стороны граждан его жертвы в ущерб своей родине и народу»⁴¹, тогда как второе определяет «вынужденные и неизбежные в условиях оккупации контакты и связи между местным населением и оккупантами»⁴². Что касается оценки этого явления, то М.И.Семиряга отмечает, что «несмотря на зло, которое принес советским людям сталинский террор в 30-е годы, в период борьбы против фашизма перед лицом опасного врага большая часть народа была настроена решительно против немецких захватчиков и сплочена, как никогда ранее. Наши люди были убеждены, что именно в эти дни, в тяжелых боях с фашизмом решалась сама их судьба, вообще вопрос о том, будет существовать наш народ или подвергнется порабощению и истреблению. Естественно, что любой, кто ослаблял это необходимое для победы единство, встречал отпор и осуждение, тем более если это касалось вооруженной борьбы против Красной Армии. Ни при каких условиях не мог вызывать сочувствия или симпатий тот, кто помогал противнику, вторгшемуся в нашу страну с целью ее завоевания»⁴³.

Следует отметить, что не только Советский союз столкнулся с проблемой сотрудничества своих граждан с противником. Коллаборационизм был общеевропейским явлением, о чём свидетельствуют данные, проведённые немецким историком Б. Мюллер-Гиллебрандтом, об использовании иностранных формирований в составе вермахта:

⁴¹ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй Мировой войны. М. 2000

⁴² Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй Мировой войны. М. 2000

⁴³ Там же. Стр 483

- французский легион (позднее - дивизия «Шарлемань»);
- 369-й пехотный полк, уничтоженный под Сталинградом; позже ещё три хорватских пехотных дивизии (369-я, 373-я и 392-я);
- добровольцы «нордической» расы, служившие в войсках СС, являлись в большинстве выходцами из Норвегии, Дании, Нидерландов и Бельгии (фламандцы). Из них формировались «германские» части. В 1940 г. созданы полки «Вестланд» и «Нордланд», которые позже были объединены в дивизию «Викинг». Кроме того, были сформированы отдельные легионы, состоявшие из датчан, голландцев, норвежцев, фламандцев, валлонов. В 1943-1944 гг. появились дивизия «Нидерланды», бригады «Лангемарк» и «Валлония», которые позднее была развернуты в дивизии. В 1943 г. из частей дивизии «Викинг» была создана дивизия «Нордланд». Всего до конца 1944г. было создано четыре дивизии из добровольцев «германской» расы;
- в 1941 г. была сформирована бригада из латвийских добровольцев. Которая в начале 1944 г. была развернута в дивизию;
- специальное соединение «Ф», укомплектованное взятыми в плен в северной Африке индусами⁴⁴.

Участие же в войне на стороне Германии сотен тысяч подданных Советского Союза, ведущего с ней борьбу не на жизнь, а на смерть, уже само по себе было явлением парадоксальным (может быть за исключением граждан регионов, вновь вошедших в состав СССР в 1939-1940 гг.). Более того, оно казалось вовсе немыслимым после объявления вождями Третьего рейха целей этой войны - уничтожение России как государства и включение её территорий в состав германской колониальной империи. Однако уже с первых дней войны, вне всякой зависимости от политических установок гитлеровского руководства, германские вооруженные силы столкнулись с проблемой использования в своих рядах советских граждан и русских эмигрантов 20-х годов. Из-за нехватки личного состава в боевых подразделениях командиры немецких частей стали

⁴⁴ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1933-1945 гг М. 2002. Стр 340.

высвобождать солдат для фронта путем привлечения советских военнопленных и лиц из числа гражданского населения в качестве вспомогательного персонала в тыловые части. Одновременно создавались подразделения для охранной службы на оккупированной территории и борьбы с партизанами. А так же, как выразился немецкий генерал Г. Хельмих, «добровольцы должны экономить германскую кровь на фронте»⁴⁵.

Всё это привело к тому, что привлечение в германские военные и полувоенные формирования советских граждан носило массовый характер. Что касается вопросов *типологии коллаборационизма*, то отметим, что большинство исследователей предлагают выделять различные формы коллаборационизма, в зависимости от того, в какой сфере осуществлялось сотрудничество с противником. Одним из первых поднял этот вопрос С.В.Кудряшов. Он выделил военное, политическое и экономическое (гражданское) сотрудничество. При этом Кудряшов С.В. предложил разграничивать пассивный и активный (с оружием в руках) военный коллаборационизм, отметив существенную разницу между работой в военных частях, выполнением вспомогательных и полицейских функций при германской армии и администрации и непосредственным участием в боевых действиях. Он указал, что самое широкое распространение получил экономический (гражданский) коллаборационизм, несмотря на то, что иногда очень сложно, а то и почти невозможно выявить ту грань, которая отделяет простое взаимодействие с оккупационными властями от сотрудничества с ними⁴⁶. В любом случае гражданскому населению приходилось сотрудничать с германскими властями. Перейти от нейтрального взаимодействия к более тесному в тех условиях было очень просто. В какой-то степени гражданский коллаборационизм был неизбежен, а иногда и вынужден.

⁴⁵ Великая Отечественная война. 1941-1945 гг: Военно-исторические очерки. Кн 4. М. 1999

⁴⁶ Кудряшов С.В Предатели, «освободители, или жертвы? Советский коллаборационизм (1941-1945) Стр 87.

Более полный и законченный вид вопросы типологии приобрели в работе Н.М.Раманичева, который охарактеризовал четыре основные формы сотрудничества с оккупационными властями. Политическое сотрудничество - создание и функционирование при покровительстве германских властей различных национальных комитетов (русских, украинских, белорусских, туркестанских, азербайджанских и других), претендовавших на роль самостоятельных правительств. Административное - участие бывших советских граждан в работе создаваемых оккупационными властями местных административных органов. Хозяйственная работа населения оккупированных территорий в промышленности и сельском хозяйстве. Военное сотрудничество - служба с оружием в руках на стороне Третьего Рейха. При этом автор отметил, что эти формы сотрудничества с врагом столь сложны и многообразны, что часто бывает трудно определить сколь прямым или косвенным было предательство. Наиболее явным является военное сотрудничество, когда мы видим бывшего советского граждани на выступившим на стороне врага с оружием в руках⁴⁷.

Другой видный исследователь данной проблемы - М.И. Семиряга указав что диапазон форм проявления коллаборационизма весьма обширен, выделил бытовой, административный экономический и военно-политический. При этом он отметил, что не все действия из вышеуказанных видов коллаборационизма «можно квалифицировать как измену родине. Разве только за исключением последнего типа т.е. Военно-политического коллаборационизма»⁴⁸. Именно этот вид наиболее полно соответствовал своей дефиниции, как осознанного и добровольного сотрудничества с врагом в ущерб своей родине. В меньшей мере причиняя вред своей стране владельцы частных мелких предприятий, которые наряду с поставками военных материалов в Германию частично обеспечивали и жизнедеятельность своего

⁴⁷ Раманичев Н.М Власов и другие.//Вторая Мировая война: Актуальные проблемы. М. 1995. Стр 293

⁴⁸ Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй Мировой войны. М. 2000. Стр 293.

населения. Поэтому приказ Сталина уничтожить при отступлении все материальные ценности, отданный в первые дни войны и игнорировавший жизненные интересы покинутого населения, был неуместен и невыполним. Он не учитывал, что под оккупацией оставались миллионы брошенных на произвол судьбы советских граждан, которые нуждались хотя бы в элементарных условиях своего существования. Коллаборационизм на бытовом уровне был не приемлем для большинства населения, прежде всего из моральных соображений.

Заслуживает своего внимания классификация форм коллаборационизма, предложенная Ковалёвым. Он выделяет наряду с административным, экономическим и военно-политическим ещё и дополнительные формы: культурный, духовный и национальный⁴⁹. При этом Б.Н. Ковалёв отмечает, что «вряд ли можно называть изменой в уголовно-правовом смысле этого слова бытовой коллаборационизм, например: размещение на постой солдат противника, оказание для них каких-либо мелких услуг (штопка белья, стирка и т.д). Трудно обвинить в чём либо людей, которые под дулами вражеских автоматов занимались расчисткой, ремонтом и охраной железных и шоссейных дорог».⁵⁰ Но поскольку вопросы коллаборационизма в данной работе не являются главной целью исследования, то и данная типология не получила полного и всестороннего анализа. Так, автор отметил, что культурный коллаборационизм находил свое выражение, например, в коллаборационистской печати, когда из номера в номер публиковались новые тексты к популярным советским песням. В них Катюша уговаривала «бойца на дальнем пограничье» срочно переходить к немцам, а песня «Широка страна моя родная» в новой интерпретации звучала теперь следующим образом:

Широки страны моей просторы,/ Много в ней концлагерей везде,/ Где советских граждан миллионы/
Гибнут в злой неволе и нужде./ За столом

⁴⁹ Ковалёв Б.Н. *Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941-1945 М.* 2004. Стр 11

⁵⁰ Там же Стр 11.

веселья мы не слышим/ И не видим счастья от трудов,/ От законов сталинских чуть дышим, / От засилья мерзкого жидов./ Я другой такой страны не знаю,/ Где всегда так стонет человек⁵¹.

-

Что касается духовного и ярационального, то их воплощение выражалось в антисоветских проповедях, пронацисткой пропаганде. Однако Б.Н.Ковалев отметил, что широкого распространения данные формы коллаборационизма не получили. Проблема типологии коллаборационизма нашла отражение и в четвертом томе фундаментального труда по истории войны «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Военно-исторические очерки». Наиболее активной формой сотрудничества советских граждан с врагом, по мнению авторов труда, явилось участие в боевых действиях, в акциях против партизан, в охране немецкого тыла. Служба во вспомогательных войсках и в полиции⁵² Очевидно, что без внимания исследователей осталась такая форма (коллаборационизма как концентрационный коллаборационизм, т.е. сотрудничество советских граждан с нацистским аппаратом управления, в условиях концентрационного лагеря. А ведь нужно понимать, что морально-нравственные установки, царившие в концлагере в корне отличались от преобладавших на оккупированной территории. Пособничество в лагере осуществлялось на ограниченном пространстве, которое окаймляла эсэсовская система, выполнявшая функцию контроля, подавления и манипулирования личностью. Советские граждане сотрудничали не просто с захватчиком, а с чудовищем, сжигавшим в крематориях, ставившим опыты на людях и педантично уничтожавшим «недочеловеков».

Необходимо также отметить, что все рассматриваемые типологии имеют характер. Деятельность отдельных коллаборационистов протекала в различных формах, а переход на сторону противника могли обуславливать

⁵¹ Там же. Стр 340

⁵² Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Военно-исторические очерки. Кн.4 М. 1999 Стр 154.

сразу несколько разных мотивов. Но, как и любые другие абстрактные категории, данные «идеальные типы» коллаборационизма позволяют осмыслить его сущность и реальные проявления. Различную роль в событиях военных лет играли участники карательных акций и сельские старосты. Выполняя приказы германского командования, они, в то же время, могли способствовать созданию условий для жизни и работы своих односельчан.

Различалась и деятельность отдельных сотрудников городских и районных управ, других местных органов управления, рядовых полицейских. Нельзя не видеть разницы между действиями членов национальных комитетов, имевших определенные политические цели, и крестьянами, сдававшими часть урожая оккупационным властям под угрозой расстрела. Все приведенные примеры можно отнести к проявлениям коллаборационизма, но значение, формы и мотивы сотрудничества в каждом отдельном случае расходились. Характерно, что многие очевидцы событий оккупации до сих пор по-разному оценивают конкретного бургомистра, старосту или полицейского, в зависимости от того, как те сами относились к населению. Мнение жителей иногда учитывалось и при проведении расследований деятельности отдельных коллаборационистов уже после освобождения советской территории.

Поэтому необходим индивидуальный подход к каждому конкретному случаю коллаборации. Ведь далеко не все коллаборационисты были действительными противниками советского строя, многие военнопленные переходили на сторону противника, чтобы спасти свою жизнь, избежать голодной смерти, а при возможности и перейти на сторону Красной Армии. Исследователь данной проблемы А.В.Окороков определил количество сознательных коллаборационистов, объединенных «ненавистью ко всему советскому», в 20% от их общей численности. По его мнению,

наибольшую часть среди них – 60%- составляли военнопленные⁵³. К сожалению, механизм его расчетов остается неясным.

От действий коллаборации необходимо отличать сотрудничество с нацистской Германией представителей российской эмиграции, что сделать порой достаточно сложно. Эмигранты служили в общих и специальных частях вермахта, вели активную пропагандистскую и политическую работу. Вся эта деятельность по своему содержанию, целям и направленности имеет много общего с коллаборационизмом. После войны советское правосудие также практически не признавало различий между эмигрантами и собственными гражданами, сотрудничавшими с противником, что продемонстрировало осуждение в 1947 году бывших белых генералов П.Н. Краснова, Султана-Клыч Гирея, А.Г. Шкуро и других активных участников гражданской войны. Вместе с ними к смертной был приговорен и генерал-лейтенант вермахта Г.фон Паннвиц. Однако в формально- правовом отношении эмигранты не являлись советскими гражданами и не могли быть привлечены к уголовной ответственности за измену родине.

Таким образом, в определении подходов отечественных историков к определению термина «коллаборационизм» можно выделить две позиции. В соответствии с первой, характерной для советской историографии, но имеющей приверженцев и в наши дни, для обозначения лиц, сотрудничавших с врагом, использовались такие слова, как «предатель», «изменник родины», «пособник». Вторая позиция, характерная для российской историографии, состоит в том, что сотрудничество с врагом граждан СССР рассматривается не как банальное предательство, а как сложное социально-политическое явление, имеющее свои причины и предпосылки, уходящие вглубь десятилетий. Более того, на современном этапе развития исторической науки появляются работы, в которых разводятся такие понятия, как «коллаборационизм» и

⁵³ О कोरोков А. В Антисоветские формирования в годы Второй Мировой войны. М. 2000 Стр 22.

сотрудничество с врагом.

На сегодняшний день мы можем констатировать, что единой общепринятой типологии коллаборационизма нет, а имеющиеся носят условный характер. Это вполне понятно, так как деятельность отдельных коллаборационистов могла протекать, в разных формах. Тем не менее, практически все исследователи данной проблемы, сходятся на том, что коллаборационизм содержал в себе обширный диапазон своего проявления от бытового уровня до участия в боевых действиях против Красной Армии, а в некоторых европейских странах вплоть до прогитлеровской государственной политики правящих кругов.

1.2 Категории коллаборационистов, выделяемые отечественными исследователями

В отечественной историографии получила распространение следующая классификация категорий коллаборационистов:

- советские военнопленные;
- Русская белая эмиграция;
- советские граждане, оказавшиеся на оккупированной немцами территории СССР.

Один из исследователей данной проблемы - Н.М.Раманичев указывает на то, что основную массу лиц, которые оказались вовлеченными в сотрудничество с врагом, составляли советские военнопленные⁵⁴.

С.И.Дробязко указывает, что первостепенное внимание уделялось привлечению добровольцев [из числа советских военнопленных], прежде всего тех, кто так или иначе пострадал от действий советских властей в период коллективизации и сталинских чисток, кто был озлоблен репрессиями по отношению к себе и своим близким и искал случая, чтобы отомстить.

⁵⁴ Раманичев Н.М. Власов и другие М. 1995 Стр 293

Причем наиболее активно поиск добровольцев осуществлялся среди военнопленных – представителей национальных меньшинств Советского Союза. Уже с первых месяцев Восточной кампании из основной массы военнопленных выделялись этнические немцы, украинцы, белорусы, эстонцы, латыши, литовцы, молдаване и финны, которые освобождались из плена и частично привлекались в немецкую армию и полицию⁵⁵.

Как ни странно, но спустя более 60 лет после окончания Второй мировой войны историки продолжают спорить об общем количестве советских военнопленных. Это связано с противоречивыми данными самих немцев, что, в свою очередь, служит красноречивым свидетельством их пренебрежительного отношения к пленным. Немецкое командование хорошо знало, сколько у него дивизий, полков и собственных солдат. Однако на протяжении всей войны ни Генеральный штаб, ни высшие немецкие руководители, включая Гитлера, так и не смогли определить, сколько бывших советских военнопленных служит у них в армии. И это несмотря на то, что 1 января 1942 г. было отдано распоряжение о предоставлении достоверных сведений, касающихся советских военнопленных. За состояние лагерей, содержание и использование военнопленных отвечали Верховное главнокомандование (ОКВ) и главное командование сухопутных сил (ОКХ). На территории рейха за эти вопросы отвечал отдел по делам военнопленных главного штаба вермахта, а на территории оккупированных областей Советского Союза – отдел военной администрации начальника тыла сухопутных сил. Однако Главный штаб вермахта (ОКВ) не проявлял никакого интереса к статистическим данным о числе советских военнопленных и, более того, не относило такие сведения к категории обязательных.

Поэтому, точных данных о количестве советских военнопленных нет.

⁵⁵ Дробязко С.И. Под Знаменем врага. М. 2004 Стр 66.

И на сегодняшний день в отечественной историографии бытуют различные мнения относительно потерь пленными, которые понесла наша армия во время Великой Отечественной войны – от 4 млн⁵⁶. до 6,2 млн⁵⁷. человек. Наиболее распространена на современном этапе развития исторической науки и представляется ближе к истинной, оценка количества советских военнопленных, названная Институтом военной истории ФРГ -5,2 млн⁵⁸.

Заметим, что нас интересует не определение численности советских военнопленных, а количество коллаборационистов из их числа. Однако нельзя утверждать, что все военнопленные встали на путь сотрудничества с немецкими захватчиками. Необходимо отметить, что данная проблема практически не получила освещения в историографии, кроме работы О.Смылова «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова». Он отметил, что общее количество коллаборационистов граждан СССР составляло 300 тыс. человек, из которых «155713 советских военнопленных, вероятнее всего находились на немецкой службе в различных формированиях»⁵⁹. А исследователь Л.Решин указал, что на службу к фашистам ушло лишь 2-3% от общего количества захваченных в плен⁶⁰.

Другой исследователь С.И.Дробязко в своей работе «Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941-1945», также указывает на такую категорию советских граждан, вовлеченных на путь сотрудничества с врагом, как военнопленные. Однако их численность он не приводит.⁶¹

Заметим, что агитирую военнопленных за вступление в ряды вермахта, немецкие офицеры и пропагандисты обещали им хорошие жизненные условия, питание и денежное довольствие, как для германских солдат, а после войны – щедрое вознаграждение и разнообразные льготы. Учитывая ужасающие последствия в которых находились военнопленные беспроблемным аргументом немцев было напоминание об

⁵⁶ Гареев М.А. О мифах старых и новых. 1991. Стр 48

⁵⁷ Соколов Б. Русские коллаборационисты. Предатели и патриоты. 1991

⁵⁸ Толмачёва А.В. Боевой и численный состав и потери вооруженных сторон на советско-германском фронте в годы ВОВ Стр 176

⁵⁹ Смыслов О. «Пятая колонна» Гитлера От Кутепова до Власова М 2004. Стр 495.

⁶⁰ Решин Л. Секретные документы вермахта и СС 1990

⁶¹ Дробязко С.И. Под знаменем врага М. 2004. Стр 65-66

отношении к ним Сталина, что должно было окончательно убедить доведенных до отчаяния людей, что обратного пути для них нет. Вероятнее всего, именно это стало для многих военнопленных последним толчком в их решении пойти на службу к немцам. Более того, говоря о добровольности советских военнопленных, следует иметь в виду, что в большинстве случаев речь шла о выборе между жизнью и смертью в лагере от непосильного труда, голода и болезней.

Однако, даже оказавшись в плену, немало советских военнопленных осталось патриотами, не прекратили борьбу против врага. Прежде всего, следует сказать о тех, кто сумел вырваться из плена, чтобы добраться до своих войск или участвовать в борьбе партизан. Многие из них стали инициаторами образования партизанских отрядов или командирами подразделений в уже действовавших отрядах в СССР и других оккупированных странах. Самоотверженность большинства советских людей не придумана, она действительно имела место и признана во всем мире, в том числе и нашими противниками. Русская белая эмиграция явилась еще одной силой, от которой с начала войны между Германией и СССР исходила инициатива создания вооруженных формирований для борьбы против большевизма. Отечественные исследователи, занимающиеся изучением вопросов сотрудничества белоэмигрантов с немцами в годы войны, отмечают, что в отличие от основной массы советских граждан, вставших в годы войны на путь сотрудничества с немцами, выбор эмигрантов был сознательным и мотивировался патриотическими чувствами. Они усматривали в начавшейся войне единую возможность взять реванш за поражение в Гражданской войне, и потому были готовы всеми силами помогать любому врагу ненавистного режима. «Хоть с чертом, но против большевиков!»- таков был лозунг этой группы, в рядах которой оказалась самая непримиримая часть белой эмиграции⁶².

Изучением вопросов, связанных с участием русской эмиграции в войне

⁶² Семиряга М.И. Коллаборационизм. Типология, природа и проявления М. 2004. Стр 71.

против СССР занимались М.И.Семиряга, С.И.Дробязко и другие. Все они сходятся на том, что русская белая эмиграция преследовала цель создания «третьей силы» между Германией и Сталинским режимом путем осуществления агитационно-пропагандистской работы на оккупированной территории. В случае победы этого начинания, считали они [эмигранты], Россия сохранила бы свою целостность и суверенитет. Исключение составляли казаки-сепаратисты, преследовавшие цель не только свержения советского режима, но и ликвидацию России как государства, что идейно сближало их с германскими нацистами. Они выступали за создание собственной государственной автономии под патронажем Германии, нисколько не заботясь о будущем России, как государства и допуская ее расчленение и полное или частичное лишение государственной независимости.

Однако германское командование не слишком сильно стремилось пользоваться услугами русских антикоммунистов и шло на контакт лишь с теми из них, кто был готов безоговорочно принять их идейно-политические установки. По этой причине принять участие в новой Гражданской войне удалось далеко не всем эмигрантам, имевшим такое желание. Через эмигрантские воинские формирования прошло не более 12-13 тысяч человек. Еще около 2 тыс. эмигрантов индивидуальным порядком или мелкими группами служили в разных частях⁶³. Как правильно отмечает М.И.Семиряга, «при анализе проблемы о поведении эмигрантов важно учитывать, что подавляющее их большинство потеряло советское гражданство и приняло гражданство страны их пребывания. Поэтому нет юридических оснований называть их предателями и изменниками родины, даже если они действительно сотрудничали с германскими властями»⁶⁴.

⁶³ Дробязко С.И. Под знаменем врага. М. 2004 Стр 71-99

⁶⁴ Семиряга Коллаборационизм. Природа и типология... М 2000 Стр 93.

Особую классификацию временных «эмигрантов», т.е. тех, кто по воле рейха покинул пределы СССР, предлагает П.Полян. Он выделяет восемь таких категорий:

1. Гражданские интернированные.
2. Советские военнопленные.
3. Остарбайтеры - «восточники»
4. Остарбайтеры - «западники».
5. Советские немцы (фольксдойче).
6. Финны - ингерманландцы (фольксфинны).
7. «Беженцы».
8. «Эвакуированные».

1.Гражданские интернированные.

Ими являлись дипломаты, сотрудники различных советских или германских делегаций, моряки, железнодорожники, ученые и т.д., застигнутые началом войны в Берлине, Мюнхене и других городах и интернированные на территории Германии. Будучи первыми хронологически, чисто статистически гражданские интернированные составляли весьма незначительную категорию (их число не превышало нескольких тысяч человек).

2.Советские военнопленные

Общее количество военнопленных в Зоне ответственности составляло 2. 050 тыс. человек, в Зоне ответственности ОКВ — 3.110 тысяч, всего 5.160 тысяч человек.

Составлено по: Полян П. Жертвы двух диктатур : Жизнь, труд, уничтожение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М.,2002г. Стр. 128. (со ссылкой на Nachweisung des Verbleibes der

sowjetischen Kriegsgefangenen nach dem Stand vom 01.05.1944.)

3 - 4. Остарбайтеры.

Сами немцы как авторы данного термина понимали под ними исключительно тех «принудительных с востока», которые были родом с территорий, бывших советскими до 17 сентября 1939 года. Это **остарбайтеры - восточники**. Соответственно термином «**остарбайтеры - западники**» обозначались жители территорий, аннексированных СССР в духе пакта Молотова-Риббентропа. Что касается численности данной категории коллаборационистов, то П.Полян указывает, что общее число «восточных рабочих», вывезенных Германией и ее союзниками из СССР (в границах до 1939 года) может быть оценена приблизительно в 3,2 млн. чел. А в отношении «остарбайтеров - западников» автор полагает, что их суммарная оценка составляет 0,8-0,9 млн. чел.

5-6. Советские немцы (фольксдойче) и финны-ингерманландцы (фольксфинны).

Это советские граждане - немцы и финны, которых НКВД не успело депортировать наряду с большинством их соплеменников, на долгие годы, ставших «спецпоселенцами» и «трудармейцами». П.Полян указывает, что общее количество представителей этих двух групп советских граждан, оказавшихся по ходу войны за пределами СССР, составило 350-400 тысяч человек.

7-8. «Беженцы» и «эвакуированные»

Беженцами, в основном, были люди, так или иначе сотрудничавшие с немецкой администрацией и по этой причине не питавшие иллюзий относительно своей будущности посш: восстановления советской власти. Их устремление в Германию было совершенно сознательным и добровольным. **Эвакуированных** же увозили в большей степени насильно, очищая тем самым оставляемую противнику территорию от населения, которое, в ином

случае. Могло бы быть использовано против немцев.

Несмотря на принципиальную разницу между ними, беженцы и эвакуированные в отчетах и донесениях проходят как единый контингент, численность которого составляла около 1 миллиона человек.

Таким образом, суммируя данные, предложенные П.Поляном, можно говорить приблизительно о 5,45 млн. гражданских лиц, так или иначе перемещенных с территории, принадлежавшей до войны СССР, на территорию, принадлежавшую или контролировавшуюся до войны Третьим Рейхом или его союзниками. С учетом 3,25 млн. военнопленных, общее число депортированных в вое СССР советских граждан составляло около 8,7 млн. чел⁶⁵.

Что касается советских граждан, оказавшихся на оккупированной немцами территории СССР, пополнивших ряды коллаборационистов, то их точная численность не известна. В отношении данной категории необходимо придерживаться подхода М.И.Семиряги, который не любое сотрудничество сврагом расценивает как коллаборационизм. Ведь находясь под властью оккупантов, люди не могли не взаимодействовать или даже не сотрудничать с ними в каких-либо формах. Хотя бы ради собственного выживания⁶⁶.

Привлечение советских граждан в создаваемые немцами формирования носило как добровольный, так и принудительный характер. Понятно, что германское командование стремилось получить в свое распоряжение благонадежных и заинтересованных лиц, и поэтому не скупилось на щедрые обещания. Уже к концу лета 1942 г., по мере роста потребностей в охранных войсках. Германское командование наряду с набором добровольцев фактически приступило к мобилизации годных к

⁶⁵ Полян П. Жертвы двух диктатур : Жизнь, труд, уничтожение и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М.,2002г.

⁶⁶ Семиряга Коллаборационизм и все, все, все Стр 9

военной службе мужчин в возрасте от 18 до 50 лет под лозунгом добровольности. Суть такой мобилизации состояла в том, что перед жителями оккупированных районов ставилась альтернатива: быть завербованными в «добровольческие формирования» или угнанными на принудительные работы в Германию. А уже осенью этого года на смену скрытой мобилизации пришло открытое принуждение с применением против уклоняющихся санкций – вплоть до привлечения к суду по законам военного времени, взятия из семей заложников, выселения из дома и прочих репрессии⁶⁷.

Таким образом, разнообразные формы и методы вербовки советских

граждан в немецкие формирования привели к тому, что в их рядах оказались самые разные люди – от убежденных врагов режима до лиц, вовлеченных на путь сотрудничества с врагом силой обстоятельств и вне связи с их политическими симпатиями и антипатиями. Все это отрицательно сказывалось на морально-психологическом состоянии личного состава большей части восточных войск и на их боеспособности. Исключение составляли части и соединения, в которых служили люди, сделавшие свой выбор добровольно и осознававшие, за что они борются. К ним относятся прежде всего формирования из эстонских, латвийских и литовских добровольцев, казаков и русских белоэмигрантов.

Таким образом, за весь период, прошедший со времени завершения Великой Отечественной войны и до сегодняшнего дня подходы историков к определению термина «коллорабационизм» менялись.

Так, в советской историографии эта проблема рассматривалась вне связи с причинами, толкнувшими людей на путь сотрудничества с врагом, поэтому для нее характерны лишь определения «предатели», «изменники

⁶⁷ Дробязко С.И. Под знаменем врага. Стр 64.

Родины» и т.д. В российской - коллаборационизм рассматривают как сложное социально-политическое явление. Поэтому лица сотрудничавшие с врагом это однозначно предатели Родины, но были и те, которые были вынуждены вступить на этот путь не желая этого. В связи с этим в современной историографии появился подход историков к определению термина коллаборационизм как способа выживания под пятой оккупантов. Они обращают внимание на такие факторы, как силовое или моральное давление оккупационного режима, в условиях которого часть советских граждан теряла привычные политические и моральные ориентиры, добровольно или принужденно становясь на путь сотрудничества. Свою роль сыграли нацистская пропаганда, националистические настроения, карьерные побуждения, соображения материальной выгоды и другие обстоятельства.

Накопление значительного материала по данной теме позволило историкам выделить различные формы сотрудничества советских граждан с немецкими оккупантами. Однако все они носят весьма условный характер, поскольку деятельность отдельных коллаборационистов протекала в различных формах, а переход на сторону врага мог обуславливать сразу несколько разных мотивов. Историки, предложив различные формы коллаборационизма, в полной мере не раскрыли их, за исключением, разве что военного и военно-политического. А такая форма, которая несомненно имела место быть, как концентрационный коллаборационизм вообще не охвачена вниманием исследователей.

Единство во взглядах отечественных историков наблюдается при определении социальной базы коллаборационистов. Они подчеркивают, что преобладали военнопленные красноармейцы, содержащиеся в невыносимых условиях. Что же касается белоэмигрантов, то их выбор был сознательным и добровольным. Как отмечают историки численность их была незначительна. Еще больше вопросов возникает при характеристике такой категории

коллорабационистов, как жителей оккупированных территорий. Не известна их численность, а также проблемы возникают с тем, как относиться к ним, ведь находясь под властью оккупантов люди не могли не взаимодействовать или даже сотрудничать с ними.

Глава 2

Причины и масштабы коллаборационизма советских граждан в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии.

2.1 Причины коллаборационизма

В отечественной историографии более полную и достоверную характеристику получили *причины коллаборационизма*. Большинство современных исследователей склонно считать, что они различались. Так, отечественный исследователь данной проблемы Н.Коренюк указал, что переход на сторону противника совершался не только ради хлеба, тепла, спасения жизни, склоняясь к мысли, что причину предательства надо искать в деспотизме сталинского режима⁶⁸. Нам представляется необходимым отметить, что сводить все причины только к упомянутому выше обстоятельству было бы большим упрощением этой сложной проблемы.

Кандидат исторических наук В.В.Малиновский отметил, что коллаборационизм различался как мотивацией, так и масштабами. Например, в Прибалтике и областях Западной Украины он имел определенную националистическую окраску – «местные коллаборационисты надеялись с помощью фашистских войск воссоздать чьои национальные государства»⁶⁹. Более того, вслед за присоединением этих регионов к СССР в них были проведены массовые репрессии, что не могло не сказаться на масштабах и характере сотрудничества их населения с немцами. В «коренных» районах СССР коллаборационизм на местах имел в основном социальную окраску. В этом случае на сотрудничество с оккупантами чаще всего шли выходцы из «обиженных» Советской властью слоев населения: бывших кулаков, нэпманов и т.д., а также асоциальные элементы, за те или проступки наказанные советским государством. Малиновский В.В. также отметил, что многие под угрозой репрессий или просто в поисках куска хлеба вынуждены были идти на сотрудничество с немецкими оккупантами. Интересен подход автора в отношении советских военнопленных. Он указал, что «большинство из них сдалось в плен вследствие деморализации и из элементарного чувства

⁶⁸ Коренюк. Трудно жить с мифами. 1990 Стр 29.

⁶⁹ Малиновский В.В Кто он российский коллаборационист: патриот или предатель? 1996 Стр 165.

самосохранения»⁷⁰. Генерал армии, доктор военных наук М.А.Гареев также занимался исследованием причин коллаборационизма советских граждан с врагом. Он выделяет следующие: во-первых, неблагоприятный для Советского Союза характер военных действий в начале войны, который обусловил большое число военнопленных, часть из которых вынужденно или добровольно пошла на сотрудничество с фашистами; во-вторых, ожесточенная гражданская война, насильственная коллективизация, массовые репрессии и нагнетание в стране всеобщей подозрительности и страха явились одной из причин, толкнувших их на шаг сдачи в плен и сотрудничества с врагом; в-третьих, пагубную роль сыграли дикие установки и порядки в отношении личного состава, оказавшегося в окружении или в плену⁷¹.

Кандидат исторических наук Борис Соколов видит причины коллаборационизма не столько в превосходстве Германии на поле боя, сколько в том, что «многие народы СССР, особенно жители, недавно присоединенных Прибалтики, Бессарабии, Западной Украины, поначалу видели в немецких войсках своих освободителей. Не проявляли особого желания сражаться за Сталина и за советскую власть многие выходцы с Кавказа, Из Средней Азии, из районов Поволжья ... Включенные в Красную Армию, армии бывших прибалтийских государств в большинстве с оружием в руках перешли на сторону немцев»⁷². К тому же, многие бойцы и командиры из числа русских, восточных украинцев и восточных белорусов были деморализованы многолетним сталинским террором и самой советской системой и не проявляли должной стойкости в бою, легко сдаваясь в плен. Интересен подход к определению причин коллаборационизма советских граждан с немецкими оккупантами Вильфрида Карловича Штрик Штрикфельдта, который в 1941-1945 гг. был переводчиком и офицером германской армии, а также ближайшим сотрудником и другом А.А.Власова. Согласно его подходу «была непреодолимая тяга к свободе миллионов людей. ...Они ведь обращались к немцам, которые, по их мнению, хотели освободить Россию от сталинской тирании»⁷³.

Полный и детальный анализ причин коллаборационизма советских граждан с врагом проделал С.И.Дробязко. «Массовости коллаборационизма в СССР не в последнюю очередь способствовали социально-политические предпосылки, сложившиеся накануне, и особенно в первые месяцы Великой Отечественной войны. Толчком же к развитию этого явления,

⁷⁰ Там же Стр 165

⁷¹ Гареев М.А. О мифах старых и новых. Стр 45-46

⁷² Соколов Б. Коллаборационисты - «дети советских народов». 1992 Стр 5.

⁷³ Штрик-Штрикфельдт Против Сталина и Гитлера. 1993 Стр 80.

безусловно, послужило крайне неудачное для советского руководства начало войны с Германией и её сателлитами. Застигнутая врасплох вражеским нападением страна оказалась в тяжелейшей ситуации. Внезапность удара обеспечила германскому вермахту огромное стратегическое преимущество над войсками советских приграничных округов, подкреплённое численным превосходством на направлениях главных ударов и полным господством в воздухе ...Сказались сталинские чистки 1937-1938 гг., в результате которых было уволено их армии и репрессировано свыше 35 тысяч командиров, политработников и специалистов, последовавшие за этим серьезные просчеты в строительстве вооруженных сил, их техническом оснащении и стратегическом планировании, на несколько лет подорвавших боеспособность РККА. ...Катастрофические поражения Красной Армии летом и осенью 1941 г. наводили людей на фронте и в тылу на мысли о неумелом ведении войны, несостоятельности советского руководства вообще и даже об измене. Более того, война вскрыла жестокие противоречия, раздиравшие советское общество на протяжении всей его недолгой истории, и особенно в предвоенные годы. Разорительная коллективизация и искусственно организованный голод 1932-1933 гг., унесшие сотни тысяч жизней, кровавый сталинский террор, задевший все социальные слои и группы - от остатков «эксплуататорских классов» до простых крестьян и рабочих и верхушки партийной и государственной иерархии, гонения на церковь, насильственная советизация присоединенных в 1939-1940 гг. территорий все это способствовало развитию антисталинских и антисоветских, а в некоторых национальных районах – антирусских настроений, создавало почву для недовольства существующей системой. ...Довольно распространенной, особенно на начальном этапе войны, причиной заставлявшей

красноармейцев переходить линию фронта, был страх за судьбу родных и близких, оставшихся на оккупированной территории. Известны также случаи, когда военнослужащие, оказавшись под угрозой военного трибунала и расстрела за малейшую оплошность или по навету, искали спасения у противника»⁷⁴. Заслужкой С.И.Дробязко является и то, что он, один из всех исследователей причин коллаборационизма советских граждан с врагом в годы войны детальным образом проанализировал религиозную политику Советской власти, которая была одной из причин сотрудничества с немецкими оккупантами. Он отметил, что для понимания психологической природы коллаборационизма в СССР не в последнюю очередь следует учитывать отсутствие такого связующего звена между народом и властью, каким в прежние времена была религия. Именно общность веры и сакральный характер власти мобилизовали русский народ на борьбу с иноземными захватчиками, которые в его глазах были, прежде всего, иноверцами. Так было и во времена смуты, и в годы борьбы с наполеоновским нашествием. Измена родине, главным символом которой являлся монарх – божий помазанник. Была для простого русского крестьянина тягчайшим грехом. Отход значительной части населения от религии в послереволюционные годы и неспособность новой власти создать ей полноценную замену в виде веры в коммунистический рай на земле привели к утрате нравственных ориентиров и облегчили под давлением соответствующих обстоятельств выбор в пользу сотрудничества с внешним врагом. Что же касается верующих людей, то новая власть для них не имела сакральной силы, и измена этой власти не была в их глазах таким грехом, как измена царю»⁷⁵.

Глубокое и всестороннее освещение *истоков коллаборационизма советских граждан с немецкими оккупантами* нашло отражение и в труде

⁷⁴ Дробязко С.И. Под знаменем врага. М 2004 Стр 49-53.

⁷⁵ Там же Стр 63.

М.И.Семиряги «Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны». Большую роль в массовости этого явления сыграла та обстановка, которая сложилась в стране, после победы Октябрьской революции и особенно в 20-30 годы, когда вся жизнь была заполнена и социальными и национальными конфликтами. По существу, они имели характер продолжавшейся гражданской войны, когда многие слои населения были недовольны теми или иными мерами советской власти. «Одним из важных социальных источников, длительное время в 20-30-е годы питавших и пополнявших ряды коллаборационистов в период будущей войны, являлись жертвы массовых сталинских депортаций миллионов советских граждан. Начало им было положено выселением их родных мест в Сибирь и в северные регионы страны так называемых «кулаков», т.е. крестьян, которые отказывались добровольно вступать в колхозы, навязываемые Сталиным и его партией советскому крестьянству. ...Одним из преступлений Сталина и его окружения были осуществление насильственной коллективизации и последовавшей затем страшный голод. ...Особую категорию советских граждан, часть которых согласилась с предложением немцев о совместной борьбе против большевизма, составляли кубанские, донские и терские казаки, проживавшие на Северном Кавказе. С советской властью многие из них имели счета еще со времен гражданской войны. Жестокая борьба советской власти с казачеством, которая вошла в историю как расказачивание, началась сразу же после Октябрьской революции и продолжалась в ходе всей гражданской войны.В 20-30-е годы трагедия продолжалась: были вооруженные выступления и был террор. В советский период было репрессировано около 2 млн. казаков, из них 1,1 млн. уничтожено физически. К началу Великой Отечественной войны еще оставались в живых свидетели и участники тех страшных событий. Многие из них летом, когда к Дону приближались

немецкие войска, оказались на перепутье – часть из них взялась за оружие, рассчитывая, что немецкие оккупанты окажут им поддержку в борьбе против советской власти. Немалый контингент будущих коллаборационистов с германскими спецслужбами в 30-е годы составляли российские эмигранты, покинувшие родину добровольно или насильно в 20-30-е годы. ...Существовала особая категория коллаборационистов – жителей западных областей Украины и Белоруссии, а также стран Балтии, которые вообще не признали советское гражданство»⁷⁶. Немаловажную роль сыграли репрессии значительного числа кадров высших военачальников и политработников Красной Армии. Некоторые офицеры и генералы в первые недели Великой Отечественной войны были освобождены из лагерей и направлены на фронт, с тем, чтобы своей кровью смыть пятно «предательства», хотя таковыми не являлись. Часть из них, потеряв веру в справедливость, переходила на сторону противника и становилась реальными предателями.

Интересен подход известного немецкого историка И.Хоффмана. Он вообще не признает феномен предательства в советско-германской войне. Для него существует только «освободительное движение». Всех советских военнопленных он совершенно огульно и без всяких на то оснований относит к потенциальным противникам системы, а власовскую пропаганду воспринимает за чистую монету⁷⁷.

Таким образом, в изучении причин коллаборационизма большинство современных исследователей более или менее едины, и склонны считать, что причины сотрудничества различались. Они могли носить как политический, так и социальный характер. Немало граждан СССР имело серьезные основания для недовольства советским режимом вследствие передела

⁷⁶ Семиряга Коллаборационизм Природа, типология и проявления М. 2000 Стр 89-93

⁷⁷ Хоффман Й. Власов против Сталина. Стр 162.

собственности после революции и массовых репрессий, коллективизации и раскулачивания, национальной и религиозной политики. Наиболее значительное количество граждан, негативно относившихся к советской власти, проживало на западных территориях, незадолго перед войной вошедших в состав СССР. В то же время к сотрудничеству с противником подталкивали и тяжелые условия жизни на оккупированной территории, в немецком плену, впечатляющие успехи вермахта в начале войны, его военнотехническое превосходство, жесткий прессинг со стороны нацистской пропаганды. Историки отмечают, что в сотрудничество были вовлечены представители всех социальных слоев советского общества: «не только идейные противники советской власти, но и подвергшиеся необоснованным репрессиям командиры Красной Армии, недовольные принудительной коллективизацией крестьяне»⁷⁸ в данной связи представляется целесообразным разделять сознательный или добровольный коллаборационизм, связанный с открытым неприятием советского государства и осознанным желанием содействовать оккупационным властям, и коллаборационизм вынужденный, ситуативный, порождённый экстремальными обстоятельствами, обстоятельствами и, стремлением выжить в них любой ценой (условно говоря, коллаборационизм «сердца» и «желудка»). От этих двух типов следует отделять псевдоколлаборационизм» выпотнение тех или иных функций в оккупационной администрации или полиции участниками народного сопротивления под видом сотрудничества с противником.

2.2 Численный и национальный состав коллаборационистов.

В соответствии с директивой, подписанной начальником генерального

⁷⁸ Великая Отечественная война 1941-1945 Стр 162.

штаба германских сухопутных войск Ф.Гальдером 16 августа 1942 года⁷⁹, все подразделения и части, сформированные из советских граждан, отныне получили название *восточных войск*, а их военнослужащие – *добровольцев*. В директиве выделялось четыре группы добровольцев:

«желающие помогать» (Hilfswillige, а сокращенно Hiwi)-отпущенные военнопленные и гражданские лица, служившие в германских частях на вспомогательных работах;

полицейские команды (Schutzmannschaften, Ordnungsdienst, Hilfspolizei), т.е. вспомогательная полиция немецкого и гражданского управления на оккупированной территории;

охранные части (Sicherungsverbände), части и подразделения, предназначенные для борьбы с партизанами и охраны объектов тыла;

боевые части (Kampfverbände), военные формирования, предназначенные для ведения боевых действий против Красной Армии.

Оценки количества граждан СССР, сотрудничавших с Германией в годы Великой Отечественной войны, в отечественной историографии сильно расходятся от 200 тыс. до 1,5-2 млн. человек. Таким образом, до сих пор отечественные исследователи, опираясь на различные источники и принципы подсчета, существенно расходятся в определении общего количества коллаборационистов и численности разных формирований.

Но надо признать, что учет так называемых добровольцев был сильно запутан. Командные инстанции вермахта на местах нередко скрывали от Берлина истинное число лиц, привлеченных к военному сотрудничеству, так как высшее политическое руководство германии явно не поощряло этого, опасаясь давать оружие в руки советских граждан. К тому же учетные органы не всегда могли разграничить отдельные категории добровольцев, вследствие чего порой трудно определить, идет ли речь о численности всех военных формирований или только о какой-то категории добровольцев. И если в

⁷⁹ Там же. 154

немецких источниках можно найти хоть какие-то данные о количестве граждан, служивших в немецких военных формированиях, то сведений о других формах коллаборационизма - полицаях, старостах, бургомистрах и т.д. - практически нет.

Частично помогает решить проблему нехватки источников статистическое исследование Б. Мюллер-Гилбербрандта «Сухопутная армия Германии 1933-1945»⁸⁰. В этом труде мы находим сведения о боевом составе иностранных формирований, принимавших участие в войне на стороне вермахта. Также он сообщает частичные сведения о количестве коллаборационистов, однако, как указывает сам автор, их точность вызывает сомнение. Согласно данным Б. Мюллер-Гиллебранда, динамика привлечения добровольческих формирований в вооруженные силы Германии была следующей: в начале 1943 г. в «восточных войсках» насчитывалось 176 батальонов и 38 рот общей численностью 130-150 тыс. чел. Набор в войска «добровольцев вспомогательной службы», начавшийся в 1942 г., продолжался и в июне 1943 г. их число составляло от 220 до 320 тыс. чел. Кроме того, летом 1943 г. были сформированы две дивизии «восточных войск»: 162-я (тюркская) дивизия и 1-я казачья кавалерийская дивизия. К концу 1943 г. общая численность «восточных войск» (без «хиви») достигала 370 тыс. чел. К ним следует прибавить еще приблизительно 150-250 тыс. «хиви». К моменту наивысшей точки развития «восточных войск» в июне 1944 г. налицо имелось примерно 200 батальонов и большое количество отдельных рот. Пехотные батальоны «восточных войск» использовались большей частью на Западном и Средиземноморском театрах военных действий. Численность же «хиви» в середине 1944 г. составляла примерно 500 тыс. чел.⁸¹

Таким образом, анализ статистики труда «Сухопутная армия Германия 1933-1945» показывает, что руководство вооруженными силами Германии

⁸⁰ Мюллер-Гилбербранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945 М. 2002

⁸¹ Там же Стр 342.

наращивало объемы привлечения вспомогательных сил вермахта по мере того, как ситуация на советско-германском фронте ухудшалась и страна стала испытывать недостаток людских ресурсов.

Необходимо также заметить, что большинство исследователей обращают внимание на то, что приводимые сведения не учитывают боевые и небоевые потери, перемещение личного состава и другие изменения, проследить которые так необходимо, но на основе имеющихся источников не представляется возможным⁸².

Следует добавить, что в составе рассматриваемых частей находились и эмигранты из России, не подпадавшие под определение коллаборационистов, поскольку большинство из них потеряло советское гражданство и приняло гражданство страны их пребывания. Поэтому нет юридических оснований называть их предателями и изменниками родины, даже если они действительно сотрудничали с германскими властями как до, так и в ходе войны. В частности, из эмигрантов состоял Русский корпус, сформированный на Балканах, немалое их количество насчитывалось и в казачьих частях. Впрочем, в общей численности формирований, сражавшихся на стороне вермахта и СС, эмигранты из России.

Как мы видим составляли явное меньшинство по сравнению с советскими гражданами самую многочисленную категорию составляли «хиви». С первых дней войны они работали в тыловых подразделениях немецких частей в качестве шоферов, конюхов, рабочих по кухне, разнорабочих, а в боевых подразделениях – в качестве подносчиков патронов, связных и саперов. Сначала немцы называли их «наши Иваны», но, начиная с 1943 года «хиви» уже были предусмотрены в вермахте штатными расписаниями. Осенью 1943 года пехотной дивизии по штату 2005 «хиви» при общей численности соединения 12713 человек (15,8%). По состоянию на февраль 1945 года численность этой категории коллаборационистов составляла 600 тысяч

⁸² Дробязко С.И. Советские граждане в рядах вкрмахта. М. 1997. Стр 132

человек в сухопутных войсках, от 50 до 60 тысяч в люфтваффе и 15 тысяч – в кригсмарине. Эти данные приводит в своих работах С.И.Дробязко⁸³. Однако, другой исследователь - П.Полян приводит альтернативную численность этой категории добровольцев. Он утверждает, что к апрелю 1942 года их насчитывалось уже около 200 тысяч человек, а к июлю 1943 года – 500-600 тысяч человек⁸⁴. При этом П.Полян приводит и другие данные численности «хиви», предоставленные КТБ: так, по состоянию на 15 марта 1943 года, потребность в «хиви» равнялась 310 тысяч человек, из них в наличии, на ту же дату, было 136569 (большую их часть – 102773 человек – составляли бывшие военнопленные.). К 1 декабря 1943 года отряды «хиви» (включая «организацию Тодта» - это военно-вспомогательные соединения вермахта, также вербовавшихся из военнопленных красноармейцев для решения практически тех же задач, что ставились перед «хиви», но на территории Германии, Франции и других стран (не исключая и Северную Африку⁸⁵) насчитывали уже 244,7 тысяч человек, в том числе военнопленными 171,4 тысячи человек и гражданскими – еще 74,6 тысяч человек⁸⁶. Борис Соколов приводит другую цифру численности «хиви»- к концу 1941 года их было уже около 200 тысяч человек: русских, украинцев, белорусов и т.д. Но как он сам пишет, точное число «хиви» в разные периоды определить практически невозможно. И по некоторым оценкам весной 1943 года их было более 1 млн. человек⁸⁷.

Таким образом, «хиви» составляли самую многочисленную категорию добровольцев, к которой немецкое командование уделяло особое внимание. Как пишет Б.Соколов, ссылаясь на слова ряда германских генералов и офицеров, без содействия «добровольных помощников» немецким войскам в России было бы невозможно разрешить сложные проблемы транспорта и

⁸³ Дробязко Вторая Мировая война 1998 Стр 6

⁸⁴ Полян Жертвы двух диктатур М. 2002 Стр 104

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Соколов Русские коллаборационисты. 1991

снабжения»⁸⁸.

Появление второй категории добровольческих формирований *охранных подразделений* - было связано с попыткой немецкого командования и оккупационных властей разрешить проблему нехватки охранных частей как в непосредственной близости от районов боевых действий, так и на оккупированных территориях, находившихся в глубоком тылу, но имевших сильное партизанское движение. Пытаясь разрешить эту проблему, Главное командование сухопутных войск вермахта в 1942 году приступило к формированию охранных частей («сотен») из военнопленных и жителей оккупированных областей, враждебно относившихся к советской власти. Их функции заключались в охране железнодорожных станций, мостов, автомагистралей, лагерей военнопленных и других объектов, где они были призваны заменить немецкие войска, необходимые на фронте. Численность этой категории добровольцев по состоянию на февраль 1943 года, определялась в 60-70 тысяч человек⁸⁹. Раманичев Н.М. указывает, что первыми были созданы казачьи сотни. Но, наряду с казаками в них принимались и военнопленные-добровольцы русской, белорусской и украинской национальностей. В последующем стали создаваться эскадроны, батальоны и полки. Так, в зоне действий группы армий «Центр» в Белоруссии и западных областях России в 1943 году действовал полк, сформированный из военнопленных. Его штаб дислоцировался в Бобруйске. Во главе него стоял бывший подполковник Красной Армии Н.Г.Яненко. Там же со штабом в Могилеве дислоцировался казачий полк бывшего советского подполковника И.И.Кононова. Подобные же формирования и примерно в таком же количестве имелись и в других группах армий. Однако какова численность этой категории добровольцев автор не указывает. П.Полян относительно численности охранных подразделений придерживается точки зрения Дробязко

⁸⁸ Та же

⁸⁹ Дробязко Вторая Мировая война 1939-1945. Стр 6

С.И., согласно которой их было 60 тысяч человек⁹⁰.

Заметим, что все отечественные исследователи, занимающиеся изучением данной категорией добровольцев, либо умалчивают ее численность, либо придерживаются цифры в 60-70 тыс. человек.

Вспомогательные полицейские команды создавались не только военными, но и оккупационной администрацией на территории рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина». К маю 1943 года 60-70 тысяч человек служили во вспомогательной полиции военного управления, а в ведении администрации рейхскомиссариатов имелось примерно 300 тысяч человек в полицейских командах⁹¹. В определении сущности и численности данной категории добровольцев интересен подход видного российского историка О.Романько. По его мнению, появление данного вида подразделений было связано с попытками немецкого командования решить проблему нехватки охранных частей. То есть, части вспомогательной полиции создавались в целях поддержания общественного порядка на оккупированных территориях и борьбы с партизанским движением. Он приводит классификацию вспомогательной полиции порядка:

- Полиция в городах и сельской местности
- Отряды самообороны
- Батальоны для борьбы с партизанами
- Вспомогательная пожарная полиция
- Резервная полиция для охранных целей⁹²

Таким образом, мы видим, что О.Романько не выделяет в качестве отдельной категории добровольцев охранные части, а включает их в состав вспомогательной полиции порядка. Именно поэтому численность

⁹⁰ Полян Жертвы двух диктатур М. 2002 Стр 105

⁹¹ Великая Отечественная война Стр 157.

⁹² Романько Советский легион Гитлера

этого общего подразделения, по его подсчетам, составляет 390-400⁹³ тыс. человек, в то время как другие исследователи данной проблемы приводят другие данные.

Второй по численности группой добровольцев являлись *боевые части* (официальное их создание относится к январю 1942) при формировании которых предпочтение первоначально отдавалось представителям нерусских народов Советского Союза. Это были так называемые *восточные легионы*: туркестанских представителей народов северного Кавказа) и волго-уральский (из представителей народов Урала и Поволжья)⁹⁴. Их основу составляли пехотные батальоны численностью более 900 человек каждый. Всего за войну для этих легионов было сформировано 90 пехотных батальонов (26 туркестанских, 15 азербайджанских, 13 грузинских, 12 армянских, 9 северокавказских, 8 батальонов крымских татар, 7 батальонов волжских татар и других народов Поволжья и Урала). Во всех этих батальонах немцы составляли около 4% общей численности. В основном они занимали почти все офицерские должности, а иногда и унтер-офицерские (сержантские). Помимо названных батальонов в 1942 году в зоне действий группы армий «А» был создан калмыцкий кавалерийский корпус, который насчитывал до 5 тысяч человек. Кроме того, судя по докладу начальника организационного отдела генерального штаба сухопутных войск, на 5 мая 1943 года на стороне германских вооруженных сил действовало 90 «русских» батальонов, сформированных из представителей славянских народов СССР. Б.Мюллер-Гиллебранд считал, что к середине 1944 года в распоряжении командования вермахта имелось 200 пехотных батальонов, сформированных из русских, украинцев и белорусов, а также из представителей других национальностей⁹⁵. Не остался без внимания отечественных исследователей и вопрос национальной

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Мюллер-Гиллебранд Сухопутная Армия Германии Стр 419.

принадлежности коллаборационистов, хотя и не получил широкого освещения в нашей историографии.

Над разработкой данной проблемы занимались крупнейшие отечественные исследователи: М.И.Семиряга и О.В.Романько⁹⁶. Оба автора подчеркивают, что контингент коллаборационистов состоял в первую очередь из числа советских военнопленных, но кроме них значительную часть составляли представители ряда народов, добровольно предоставивших германскому командованию свою помощь: крымские татары, народы Северного Кавказа, калмыки, западные украинцы и другие.

Крупнейший российский военный историк М.И.Семиряга в своем труде «Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны» затрагивает вопрос национальной принадлежности восточных добровольцев. Однако он дает лишь оценку численности коллаборационистов в войсках СС. В этих войсках служило «украинцев-30 тыс., казаков- 30 тыс., латышей-25 тыс., русских-18 тыс., эстонцев-15 тыс., белорусов- 10 тыс., татар 10 тыс., армян- 3 тыс., грузин- 3 тыс., узбеков- 2 тыс.»⁹⁷

Данная проблема нашла отражение и в работе К.Семенова. Он приводит сведения национального состава войск СС, которые значительно отличаются от данных М.И.Семиряги: Латвия – 40 000, Литва – 150, Эстония – 23 000, Украина – 27 000, Кавказ, Азия – 8 000, Казаки – 35 000, Россия, Белоруссия - 28 000. При этом автор отмечает, что приводимое число добровольцев является общим за все годы войны. Эта цифра не является завышенной, а отражает средний коэффициент добровольцев⁹⁸.

С.И.Дробязко, делая ссылку на подсчеты зарубежных исследователей, отмечает, что в составе войск СС за весь период войны служило более 150 тыс. граждан Советского Союза, в том числе 50 тыс. русских (из них почти 35 тыс. казаков), 40 тыс. латышей, 30 тыс. украинцев, 20 тыс. эстонцев, 8 тыс. белорусов и примерно столько же представителей тюркских и кавказских

⁹⁶ Романько Мусульманские легионы М 2004

⁹⁷ Семиряга Коллаборационизм Природа, типология и проявления Стр 414.

⁹⁸ Семёнов Войска СС Стр 27

народов. Это составляет примерно половину от общего числа иностранных добровольцев в войсках СС и более 10 процентов от совокупной численности личного состава восточных формирований.⁹⁹

Таким образом, анализ отечественной историографии показал, что количественные и качественные характеристики такого явления, как коллаборационизм до сих пор не получили однозначных оценок и сохраняют дискуссионный характер.

В результате исследования причин коллаборационизма советских граждан с противником и масштабов этого явления мы пришли к следующим выводам:

Во-первых, большинство исследователей склонны считать, что причины сотрудничества различны – от неприятия советского строя и активного участия в войне на стороне противника, до элементарного стремления как-то выжить в жестких условиях оккупации или плена. Политические причины сотрудничества с врагом, если таковые присутствовали, носили либо классовый, либо национальный характер. Либо возникали под влиянием немецко-власовской пропаганды.

Во-вторых, отечественные историки в своих работах отмечают, что в сотрудничестве были вовлечены представители всех социальных слоев советского общества: не только идейные противники советской власти, но и подвергшиеся необоснованным репрессиям командиры Красной Армии, недовольные принудительной коллективизацией крестьяне. В-третьих, говоря о масштабах коллаборационизма можно привести слова историка Н.Коренюка: «Россия еще не знала такого массового предательства - солдат, офицеров, генералов»¹⁰⁰. Это признают все исследователи, занимающиеся данной проблемой. Но в тоже время оценки

⁹⁹ Дробязко Под знаменем врага Стр 293.

¹⁰⁰ Коренюк Трудно жить с мифами Стр 29

количества граждан СССР, сотрудничавших с Германией в годы Великой Отечественной войны в отечественной историографии сильно расходятся от 200 тыс. до 1,5-2 млн. человек. количества коллаборационистов и численности разных формирований. Нет единства среди историков и в определении численности коллаборационистов по национальному составу.

Глава 3

Боевое применение частей добровольцев из числа советских граждан в исторических трудах и публикациях

3.1 «Народные армии» и национальные части в освещении отечественных исследователей.

Наиболее полно в отечественной историографии раскрыты вопросы военного и военно-политического коллаборационизма, как наиболее активной формы сотрудничества советских граждан с противником. В научной литературе нашли отражение создание различных частей из советских граждан, прежде всего воинских формирований, предназначенных для ведения боевых действий против Красной Армии и партизан.

Большинство отечественных исследователей вопросов коллаборационизма советских граждан с врагом в годы войны отмечают, что на стороне агрессора, в разное время, причем не только на Восточном фронте, действовал целый ряд крупных частей и соединений. Среди них Русская национальная народная армия 1941-1944 гг.), Русская освободительная народная армия (РОНА – сформирована в 1942г.), Казачий стан генерала Т.Н.Доманова, 1-й Русский корпус (1941-1945гг.), казачья группа (бригада) генерала А.В.Туркула, 15-й казачий кавалерийский корпус генерала Г.Паннвица, а также некоторые полки, бригады и дивизии СС¹⁰¹. Немало

¹⁰¹ Дробязко, Соколов, ит.д

советских граждан служило в качестве «добровольцев» при немецких частях и комендатурах, в отрядах вспомогательной полиции, специальных подразделениях для охраны хозяйственных объектов, поддержания порядка, борьбы с партизанами.

Исследователи указывают, что большая часть из них создавалась из белоэмигрантов по инициативе и при непосредственном участии офицеров и генералов царской армии. Так 1-й Русский корпус был полностью укомплектован русскими эмигрантами — бывшими чинами армии Врангеля, донскими казаками проживавшими в Болгарии¹⁰². По определению выполняемых функций данного формирования исследователи едины: «В течение первых трех лет своего существования подразделения Русского охранного корпуса (охранной группы) несли гарнизонную службу по городам, охраняли шахты, промышленные предприятия и линии железных дорог. В сентябре-октябре 1944 г. отдельные подразделения корпуса принимали участие в боях против войск советской 57-й армии»¹⁰³. А причины, по которым они выступили на стороне Германии, состояли в желании «взять реванш за поражение в гражданской войне, пусть даже и с помощью Гитлера»

Зимой 1941-1942 гг. вермахт столкнулся с первыми серьезными затруднениями на Восточном фронте, и представители белой эмиграции – инженер С.Н.Иванов, полковник К.Г.Кромиади и И.К.Сахаров, выступили с инициативой формирования русских национальных частей. Начав со взвода, они предполагали постепенно наращивать контингент до дивизии а, затем, выступив против Красной армии вызвать массовый переход её бойцов и командиров на свою сторону. Согласно этому замыслу, соединение должно было послужить основой армии, которая поведет борьбу за освобождение России от большевизма. Однако немецкое командование возлагало на это формирование другие задачи: подготовка разведчиков и диверсантов, а также

¹⁰² Чуев Проклятые солдаты. М 2004.

¹⁰³ Дробязко Под знаменем врага. Стр 95

отдельных рот и взводов для заброски в советский тыл с целью разложения частей Красной армии и последующего их перехода на сторону вермахта. В то время как эмигранты называли свое детище Русской национальной народной армией, в немецких документах оно проходило не иначе как «русский батальон специального назначения». К августу 1942 г. РННА насчитывала 1500 человек. А исследователь О.Герчиков указывает, что в состав данного формирования за весь период его существования входило около 4 тыс. человек. Просуществовала РННА не долго. Уже в конце 1942 г.- начале 1943 г. она была переформирована в 700-й добровольческий полк особого назначения и переброшена на территорию Белоруссии для борьбы с партизанами, а в 1943 г. во Францию.

Другим крупным формированием была созданная в начале 1942 г. РОНА (Русская освободительная народная армия) из отрядов местной полиции и самообороны. Возглавлял ее инженер Б.В.Каминский. Подразделения РОНА привлекались к обеспечению безопасности во время уборки урожая, охране железных дорог и конвоированию эшелонов с продовольствием, а также осуществляли репрессии против лиц, уклоняющихся от уплаты налогов и саботирующих мероприятия самоуправления, и вели антипартизанскую борьбу.

В марте 1942 г. был сформирован добровольческий батальон из молодых эмигрантов – бывших кадет русских кадетских корпусов в Югославии. Создателем подразделения и его командиром стал бывший гвардии капитан Императорской армии М.А.Семенов.

Небольшое количество русских добровольцев служило в легионе СС «Валлония». 12 июля 1941г. немецкими властями было объявлено о формировании Русской Дружины для боевых действий на Восточном фронте. Личный состав был представлен бывшими чинами армии П.Н.Врангеля, воевавшей на стороне польской армии в 1920 году и оставшейся в Польше. Остальные дружинники служили ранее в

Императорской, Донской и Добровольческой армиях. Как пишет отечественный исследователь С.Чуев «о судьбе этого формирования информация отсутствует, что может свидетельствовать о еще одной неудачной попытке формирования боевой русской части в подчинении немецким спецслужбам».

Таким образом, в изучении данных добровольческих формирований отечественные исследователи едины. Нам же представляется необходимым, еще раз подчеркнуть, что подавляющее большинство эмигрантов потеряло советское гражданство и приняло гражданство страны их пребывания. Поэтому нет юридических оснований называть их предателями и изменниками родины, даже если они действительно сотрудничали с германскими властями.

Однако белоэмигранты были не единственными, кто воевал против СССР. В борьбу активно включились и его граждане. Так из их числа на фронте появилось значительное количество добровольческих формирований. Первым официальным документом, регулирующим статус военнослужащих и воинских формирований из числа советских граждан в составе германских вооруженных сил Использование местных вспомогательных сил на Востоке датированная 17 августа 1942 г. Однако появление отдельных национальных сил частей началось еще раньше, что отмечают исследователи данной проблемы.

В отечественной историографии этот вопрос стал предметом отдельного научного исследования лишь в последние годы. Этой темой занимаются крупнейшие отечественные историки, написавшие уже ряд работ, как общего характера, так и посвященных отдельным аспектам этой проблемы С.И Дробязко, С. Чуев, О. Романько, П. Крикунов, Крысин М.Ю. Основные вопросы, которые они поднимают в своих исследованиях - это причины создания, социальная база формирования, численный и боевой

состав национальных частей, применение на фронте и степень их эффективности. Однако сразу отметим, что не все вопросы получили свое полное и всестороннее освещение, а по многим моментам в историографии идут споры.

В определении причин создания данных частей историки едины и отмечают, что во-первых, сказалась сложившаяся сложная обстановка на оккупированной территории, связанная с ростом партизанского движения, а во-вторых, необходимость восполнить потери в живой силе как во фронтовых частях, так и в частях по поддержанию порядка в тыловых районах действующих армии.

Что же касается вопроса о том, из кого состояли добровольческие формирования и насколько они были, именно «добровольческими», существует две точки зрения. Так, в 1996 году в Военно-историческом журнале была опубликована статья кандидата юридических наук, профессора В.П.Ямпольского, в которой он указывал, что «в составе этих добровольческих легионов, полков, батальонов и рот находились не некие заблудшие души, случайные жертвы войны, которые не имели возможности уклониться от службы у оккупантов или мечтали при первом удобном моменте перебежать на сторону Красной Армии, а прежде всего уголовники, ярые националисты, непримиримые враги Советской власти и всего русского» Так, в работе С.И.Дробязко приведен документ «Справка Главного политического управления Красной Армии «Формирование немецкими фашистами «национальных частей» из числа бывших военнослужащих РККА и других изменников Родины». В нем указано, что к формированию национальных частей немцы приступили весной 1942г. Первоначально предполагалось сформировать национальные легионы из добровольцев. Однако, как отмечается в данном документе, эта попытка сформировать воинские части на основе прямого добровольного

принципа провалилась. Более того, «некоторые военнопленные, обреченные на верную смерть в условиях губительного лагерного режима, решались дать свое согласие на вступление в национальные легионы. По показанию перебежчика из Грузинского легиона Виктора Чичинадзе «многие грузины, в том числе и он, добровольно согласились вступить в легион, чтобы вырваться из немецкого плена и добровольно перейти на сторону Красной Армии»¹⁰⁴. Провал этой попытки заставил немецкое командование прибегнуть к принудительному включению пленных в легионы. Более того, С.И.Дробязко указывает, что на территории Украины, Белоруссии и Прибалтике, немецкое командование в 1943-1944 гг. прибегло даже к мобилизации населения. Наиболее полно этот аспект нашел освещение в работе крупнейшего отечественного исследователя вопросов коллаборационизма в странах Прибалтики М.Ю.Крысина. Он приводит число мобилизованных в легионы СС и вспомогательные части вермахта. Так, в ходе весенней мобилизации 1943г. было призвано:

-в Эстонии: В Эстонский легион СС- около 53 000 во вспомогательные службы вермахта – около 6800 чел.;

-в Латвии: в Латвийский легион СС – около 17900 чел., во вспомогательные службы вермахта -около 13400 чел.;

-в Литве попытка сформировать «Литовский легион СС» полностью провалилась.

С.Чуев также указывает то, что на Украине подростков насильно мобилизовывали¹⁰⁵

Таким образом, анализ данных работ показал, что в состав этих не всегда «добровольческих» формирований входили как добровольно желающие или вынужденные так поступить военнопленные, так и лица принудительно загнанные в эти части.

¹⁰⁴ Там же

¹⁰⁵ Чуев Проклятые солдаты М Стр 361

Нет единой точки зрения среди исследователей и относительно численного состава национальных частей из числа советских граждан, о чем мы писали выше.

Таким образом, точная численность этих соединений не совсем ясна и требует дальнейшего изучения.

Наиболее полное освещение в научной литературе получил вопрос о боевом составе национальных частей. Практически все они пестрят описанием едва ли не каждого полка, легиона, дивизии, роты. Нам представляется необходимым выявить общие или различные тенденции в определении того, сколько же всего отдельных частей и соединений из числа советских граждан было сформировано под руководством Германии. И вот здесь серьезная проблема, поскольку среди отечественных историков нет единой точки зрения по данному вопросу. В 4 томе такого фундаментального труда, как «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Военно-исторические очерки», мы находим сведения о том, что за все годы войны было сформировано 90 пехотных батальонов (26 туркестанских, 15 азербайджанских, 13 грузинских, 12 армянских, 9 северокавказских, 8 батальонов крымских татар, 7 батальонов волжских татар и других народов Поволжья и Урала) ¹²⁶. Другой исследователь О.Романько приводит сведения о боевых восточных батальонах и батальонах специального назначения: казачьих-19, туркестанские - 13, русские-50, украинские- 3, азербайджанские - 6, армянские- 3, грузинские- 5, волготатарских - 6. Л.Решин отмечает, что к концу 1942 года были сформированы и подготовлены к отправке на фронт 15 пехотных батальонов, подготовленных для наступательных боев; 6 туркестанских, 2 азербайджанских, 3 северокавказских, 2 грузинских и 2 армянских. Данные на начало 1943 года мы находим в работе Ю.Квицинского, который отмечает, что к этому времени числился 51 пехотный батальон, туркменов - 33, северокавказцев- 13, волжских

татар-12, казаков – 24, армян – 8, азербайджанцев – 11, грузин- 11, калмыков- 3, греков- 1.а всего – 176 боевых батальонов, да еще 38 строительных, охранных и учебных рот. С.Чуев в своей работе «Проклятые солдаты» называет следующие части: шесть туркестанских рот, расширенных до Туркестанского легиона; казахский батальон «Алаш»; волжско-татарский легион; кавказско-магометанский легион, в который входили соединения Горец и Альпенист и другие; шесть азербайджанских батальонов; грузинский легион, который состоял из четырех батальонов, каждый из которых насчитывал по 800-1000 солдат и офицеров. Батальонам присвоили имена: «Георгий Саакадзе», «Давид Строитель», «Царица Тамара», «Илья Чавчавадзе»; к августу 1943 года был сформирован Калмыцкий корпус¹⁰⁶. О.Смыслов указывает, что в начале 1943 года на Восточном фронте числилось 176 батальонов и 38 отдельных рот так называемых восточных подразделений. Теоретически их состав выглядел следующим образом: и показал, что до сих пор среди исследователей данной проблемы нет единой точки зрения об оценке боевого состава национальных частей.

Не получил всестороннего изучения вопрос о боевом применении этих частей на фронте в боях с Красной Армией. В ряде работ отечественных исследователей мы находим отрывочные сведения по этому вопросу. Так, С.Чуев указывает, что «три туркестанских батальона принимали участие в боях под Сталинградом и понесли невосполнимые потери, а шесть батальонов впоследствии принимали в обороне Берлина». Он же приводит сведения и о калмыцком корпусе, который зимой 1944-1945 гг. находился в Польше, где воевал против партизан и Украинской Повстанческой Армии, а шесть батальонов впоследствии принимали в обороне Берлина¹⁰⁷.

Активное участие в битве за Кавказ принимали казачьи формирования,

¹⁰⁶ Чуев Проклятые солдаты Стр 541

¹⁰⁷ Там же.

сформированные летом 1942г. в составе 1-й танковой и 17-й полевой армий вермахта. Начиная с сентября 1942г. казачий полк «Юнгшульц» действовал на левом фланге 1-й танковой армии, предпринимая активные боевые действия против советской кавалерии севернее реки Терек. Обеспечивая стык между немецкими соединениями, казачьи эскадроны принимали участие в наступлении 17-19 октября, в ходе которого понесли большие потери и были отброшены на восток части 4-го гвардейского Кубанского казачьего корпуса генерала И.Я.Кириченко. Успешно действовали казаки против советских войск, прорвавшихся 30 ноября в тыл группировки немцев под Моздоком. Ударом с фланга советский кавалерийский полк был на голову разгромлен. Организованные на Дону казачьи полки в январе – феврале 1943 г. участвовали в тяжелых боях против наступающих советских войск на Северском Донце, пол Батайском, Новочеркасском и Ростове. Прикрывая отход на Запад главных сил немецкой армии, они стойко отражали натиск превосходящего противника и понесли тяжелые потери, а некоторые казачьи части были уничтожены полностью.

Таким образом, нам не представляется возможным провести сравнительный анализ литературы по данному вопросу, поскольку сведений крайне мало.

Не совсем ясна позиция исследователей и в определении степени эффективности добровольческих формирований. С.И.Дробязко указывает, что германское командование высоко оценило опыт использования на Кавказе частей восточных легионов. Так, начальник штаба группы «А» генерал-лейтенант Грейфенберг указывал, что некоторые батальоны, как 80-й и 805-й азербайджанские, 809-й армянский, а также особое соединение «Бергман», «действовало в обширных лесных районах часто полностью самостоятельно, успешно боролись с бандами и отрядами

противника и внесли большой вклад в дело обеспечения этих районов»¹⁰⁸

Однако, он же указывает, что нередко были случаи дезертирства и перехода на сторону Красной Армии. Так, из состава 795-го грузинского батальона 10 человек дезертировали во время следования на фронт, 50- сбежали уже с фронта, а 33 легионера перешли на сторону советских войск. С. Чуев приводит следующую оценку эффективности крымско-татарских вооруженных формирований: «применение татарских рот в боевых действиях показывает, что они в основном действуют хорошо»

налогичную оценку мы находим и в работе О. Романько: «крымские татары были признаны «равноправными союзниками» в то время когда представители славянских и даже прибалтийских народов могли использоваться только в составе антипартизанских, охранных и вспомогательных частей вермахта и полиции». Наиболее общая характеристика степени эффективности национальных частей приведена в работе «Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Военно-исторические очерки»: «.. легионы, бригады, дивизии, корпуса мало соответствовали значению этих понятий. Существование многих из них было кратковременным и неустойчивым Укомплектование и вооружение частичное»

Этой точки зрения придерживается и С. Кудряшов: «боеспособность легионов была низкой, дезертирство в некоторых из них доходила до 10 процентов личного состава». А исследователь О. Романько указал, что «наиболее боеспособными на первоначальном этапе их [мусульманские формирования] применения показали себя мусульманские формирования из советских граждан. Однако их боеспособность резко упала, когда Красная Армия изгнала немцев с Кавказа и начала непрерывно наступать. В связи с

¹⁰⁸ Там же.

этим резко увеличились случаи дезертирства и переходов на сторону советских войск и партизан»

Таким образом, в изучении национальных частей много вопросов, которые историки только начали исследовать. В связи с этим отдельные моменты этой темы либо не получили освещения в литературе, либо носят до сих пор дискуссионный характер. Это прежде всего касается вопросов определения численности, применения и эффективности национальных частей на фронте. Более изученными в историографии являются вопросы, связанные с изучением роли российской эмиграции в создании коллаборационистских вооруженных формирований.

Менее изучены в историографии невоенные формы сотрудничества, носившие самый массовый характер. В работах, посвященных оккупации отдельных регионов СССР, раскрываются вопросы формирования и деятельности местной администрации, её структура, социальный состав, взаимоотношение с оккупационными властями и местными жителями. Внимание исследователей вызывает поддержка оккупантов со стороны части творческой интеллигенции. Однако создание новой обобщающей картины событий требует дальнейшей проработки источников, введение в научный оборот новых материалов. Достаточно трудно определить общее количество лиц, в той или иной форме сотрудничавших или взаимодействовавших с гитлеровцами. Подсчитать, сколько людей на оккупированной территории выполняли поставки в войска вермахта или ремонтировали немецкую технику, просто не представляется возможным, как невозможно определить и точное число тех, кто саботировал политику оккупационных властей. С большим трудом поддаются обобщению и систематизации сведения о количестве и социальном составе старост, бургомистров и других лиц, работавших в местных органах управления на оккупированной территории.

3.2 «Власовское движение» в освещении историков

До недавнего времени проблема сотрудничества советских людей с фашистскими захватчиками в 1941-1945 гг. рассматривалась через

призму «власовского движения». Трагическая и до сих пор загадочная фигура генерала А.А.Власова, сдавшегося в плен в июле 1942 года и перешедшего на сторону гитлеровцев в августе того же года, стала своеобразным эталоном предательства. Но справедливости ради следует отметить, что бывший командующий 2-й Ударной армией генерал-лейтенант Власов не был первым, изменившим родине в дни тяжелых испытаний. Еще раньше, в первые месяцы войны, перешли на сторону гитлеровцев генералы: Закутный, Благовещенский, Малышкин, Трухин, бригадный комиссар Жиленков. Однако только имя А.А.Власова стало нарицательным для обозначения предателей всех мастей.

Литература, посвященная Власову и «власовскому движению» в советской/российской историографии весьма обширна. Мы согласны с мнением П.Поляна, что анализ работ посвященных этой теме позволяет выделить три тенденции. Первая (особенно широко была распространена в советской историографии): Власов - изменник, предатель, падаль, отродье рода человеческого. Вторая (ее высказывают в основном западные историки): Власов - профессиональный военный герой, любимец и защитник простого люда, отец солдат и демократический душа, а главное – верный союзник добропорядочного и респектабельного вермахта; да вот, к сожалению, их героическая совместная борьба против большевизма началась слишком поздно, а иначе бы ничто не устояло бы перед таким союзом. Третья (ей привержены, в основном, литераторы из кругов РОА): Власов – герой, русский патриот и хитрый мужик, третья сила, равно ненавидевший и Сталина и Гитлера, денно и нощно мечтавший, во имя великой матушки России, сокрушить сразу обоих извергов¹⁰⁹.

Первой отечественной публикацией о Власове была статья А.В.Тишкова «Предатель перед советским судом», которая представляет

¹⁰⁹ Полян Жертвы двух диктатур. Стр 110.

собой пересказ протоколов судебного заседания в июле-августе 1946 г. по делу группы бывших генералов и офицеров во главе с генерал-лейтенантом А.А.Власовым, принимавших во время войны участие в создании Русское Освободительной Армии. Она выражает собой официальную советскую позицию, в соответствии с которой власовцы – «предатели Родины, презренные наемники наших врагов» в июле 2 Ударная Армия попала в окружение. У Власова было достаточно сил, чтобы продолжать борьбу, организовать прорыв и выход из окружения, тем более что и командование фронта принимало все меры к тому, чтобы помочь ему в этом. А, перейдя на сторону врага, Власов рассказал немцам о количестве, дислокации и боеспособности войск Волховского фронта. Вывод советской историографии состоит в том, что действия [власовцев] рассматриваются с юридической точки зрения, в соответствии с которой все советские граждане, так или иначе сотрудничавшие с врагом, являются изменниками Родины.

В 1990г. в журнале «Огонек» была опубликована статья Н.Коренюка о власовцах «Трудно жить с мифами». В ней хоть и сказано: «Нет, не в оправдание изменивших Родине говорится», - но вместе с тем автор пытается в какой-то мере объяснить их предательство бесчеловечностью и коварством. Власов готов был сотрудничать с вермахтом, при условии, если ему дадут возможность создать армию из русских военнопленных, перебежчиков, перемещенных и признают русское правительство в изгнании.

Ответом официальной советской историографии на эту публикацию была серия статей в нашей стране о власовском движении в 1990-1991 гг. под символическим названием: «Иуды (власовцы на службе у фашизма)» и «Движение, которого не было, или история власовского предательства». Эта позиция отечественной советской историографии имеет приверженцев и в наши дни. Так, в книге известного дипломата Ю.А.Квицинского, написанной,

по словам, её автора, на основе подлинных документов, в уста Власова вложены следующие слова: «Все потому, что в своей стране, в себе самом усомнился. Ведь отчего я в плен решил сдать? Думал, что победит Германия. Идиот! Правда, таких идиотов много. Все они нынче вокруг меня собрались». Аналогичную позицию еще раньше высказывали и другие отечественные исследователи. Так, генерал армии, доктор военных наук М.А.Гареев в статье «О мифах старых и новых» утверждает, что «при всех обстоятельствах остается несомненным то, что Власов и его сподвижники в самое тяжкое для нашего народа время, когда решалась судьба Родины, проявили позорную трусость, малодушие и именно ради спасения своих шкур пошли на служение к врагу. Этому подлому предательству, измене Родине никаких оправданий нет и не может быть. Особенно это относится к власовской верхушке, которая сознательно пошла на предательство».

Более взвешенную оценку дали С.Кудряшов и Л.Реши в статье «Освободители», опубликованной в журнале «Родина» в 1992 г. Они признают, что проблема власовцев неоднозначна. Сталинское отношение к пленным делало их изгоями. Для многих путь в РОА был единственным способом, вырваться из невыносимых лагерных условий. Однако наивные разговоры о том, будто бы неучастие многих власовцев в карательных операциях, служба во вспомогательных частях как-то их оправдывает. Обслуживавший самолеты помогал немецким летчикам бомбить советские города; переводчик, лично никого не казнивший, своими действиями помогал выявлять врагов фашистов и т.д. и т.п. Конечно, и против сталинизма, как, впрочем, и большевизма, боролись тысячи чистых и честных людей. Но Власов и его сторонники - отнюдь не те фигуры, которых стоит возводить на пьедестал».

С именем А.А.Власова и власовским движением в историографии

существуют разные дискуссионные моменты. Одним из них является вопрос о том, насколько это движение было общенациональным, имело поддержку большинства населения? Этот вопрос возник в связи с тем, что в современной историографии появились авторы, которые пишут о том, что некоторые руководители фашистской Германии стремились создать жизнестойкое русское антисталинское движение. Генерал Власов ими сравнивался с де Голлем, а его движение называется общенациональным, имевшим поддержку большинства населения. Однако несколько справедливо данное утверждение можно судить на основании следующих данных: «Нацистам и их пособникам на оккупированных территориях противостояло массовое народное сопротивление партизаны и подпольщики. По советским оценкам в централизованном партизанском движении участвовало примерно 280 тыс. активных бойцов, а в общей сложности их насчитывалось от 700 тыс. до 1,3 млн. человек.

В историографии существуют разные версии относительно причин перехода А.А.Власова на сторону немцев: трусость, ярый противник советской системы и желание продвинуться по карьерной лестнице пусть и на стороне Германии.

Так, исследователь Н.М.Раманичев утверждает, что Власов испугался, прежде всего того, что ожидало его в случае выхода из окружения - скорой и не справедливой расправы.Этой точки зрени придерживаетсяи Н.Коренюк «скорее всего Власов испугался за свою жизнь: кто-кто, а он хорошо помнил, как год назад были расстреляны оказавшиеся в такой же ситуации [в окружение]генералы Павлов, Коробков, Климовских и другие.

Или же пусти себе пулю в лоб, или пробивайся к своим, чтобы получить пулю от них. Ни то, ни другое не устраивало молодого генерала, он хотел жить, но не за колючей проволокой немецкого лагеря. Если ему дадут

возможность создать армию из русских военнопленных, перебежчиков, перемещенных и признают русское правительство в изгнании во главе с ним, конечно, - он готов сотрудничать с вермахтом»

Е.Андреева трактует причины перехода Власова на сторону врага следующим образом: «Власов, вероятно, отдавал себе отчет, что ему не так просто будет вернуться под власть Советов. Его военной карьере, без сомнения, пришел конец. . .Его наверняка станут клеймить как неспособного командира и, по всей вероятности, с ним поступят как с изменником. ...Он сравнивал себя с генералом Самсоновым, который в августе 1914-го, во время Первой мировой войны. Также командовал 2-й армией. Убедившись, что он не оправдал доверия своей страны, Самсонов застрелился. По Словам Власова, у Самсонова было нечто, за что он считал достойным умереть: он же, Власов, не собирался кончать с собой во имя Сталина"¹¹⁰ Несколько иной точки зрения придерживается М.И.Семиряга: «Решение Власова перейти на сторону немцев было вызвано страхом перед трагической для себя судьбой, которая ровно за год до того постигла командующего войсками Западного фронта генерала Д.Г.Павлова. Власов, по всей видимости, не сомневался, что Сталин не простит ему загубленную в Волховских болотах армию, хотя в этой трагедии был виноват не только он один. Оказавшись в плену, Власов решил разыграть антибольшевистскую и антисталинскую карту, с тем чтобы привлечь на свою сторону тех советских солдат и офицеров, у которых имелись со сталинским режимом свои счеты, и тем обеспечить себе теплое место в иерархии германского вермахта». Абсолютно противоположной является позиция И.Новосильцева: Власов выступил против советской системы, советской власти, против проводимых ею порядков. А проведение коллективизации, раскулачивание и чистка в военной среде лишь укрепили в нем желание бороться с этим произволом В целом, большинство российских историков согласны в том, что Власов не был идейным борцом со Сталиным, вплоть до своей сдачи в плен, и перешел на сторону врага, спасая свою жизнь.

В историографии существуют и разные версии относительно обстоятельств пленения Власова. Большинство исследователей сходятся на том, что командующий армией после нескольких недель неудачных поисков возможности вернуться к своим войскам, 11 июля 1942 года был взят в плен.

¹¹⁰ Андреева Е. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение.

Однако при этом одни высказывают версию, что немцы предъявили Власову вырезанный из газеты его портрет в генеральской форме, и он вынужден был признать, что он действительно генерал-лейтенант Власов, а до этого выдавал себя за учителя-беженца, а другие утверждают, что Власов сам сказал немцам: "не стреляйте, я – генерал Власов"

Другим вопросом, по которому произошло столкновение историков, был вопрос о времени появления РОА. В ряде исторических исследований, посвященных Второй мировой войне, бытует мнение, что «РОА - Власовская армия», возникла сразу же после провозглашения её в «Смоленском манифесте» и просуществовала без изменений до конца войны. Так, Б.Соколов указывает, что «1942-1943 годах отдельные охранные или боевые пехотные батальоны, сформированные вермахтом из пленных русской национальности, были формально включены в возглавляемую Власовым Русскую Освободительную армию (РОА)».

О.Романько отмечает, что «появление манифеста РОА связывалось с именем Власова только в пропагандистском отношении. Но даже и РОА как оперативного формирования, подчиненного Власову, никогда не существовало, её вообще не существовало. Не началась её организация и после опубликования «Смоленского манифеста». Только позднее, весной 1943 г., почти все «восточные добровольческие формирования» вермахта, укомплектованные русскими добровольцами, стали называться «батальоны РОА». Ни Власов, ни его окружение не имели никакого отношения к созданию, формированию, боевому использованию и командованию этими батальонами уже по той простой причине, что они начали создаваться в августе - сентябре 1941 г. когда Власов еще защищал Киев».

По мнению официальной отечественной исторической науки, генерал Власов

использовался вермахтом в пропагандистских целях при формировании частей добровольцев. Кроме пропагандистской функции ни он, ни созданная под его началом «армия» не играли никакой существенной роли. Отвергались и попытки представить Власова и его сподвижников «стойкими народными борцами против сталинизма». Эту точку зрения разделяют и другие отечественные исследователи. Так, Б.Соколов отметил, что Власов на практике никак не контролировал использование частей формально возглавлявшейся им РОА. С.Кудряшов и Л.Решин указывают, что «Власову отводилась заглавная роль в реализации основной задачи – подавлять волю противника к сопротивлению путем дискредитации армии и общественного строя. Так появилась на свет фиктивная «русская освободительная армия» (РОА). В действительности до начала 1945 годани какой не существовало. Оценку РОА как чисто пропагандистского орудия дают в своих работах П.Полян, О.Герчиков, С.И.Дробязко и Е.Андреева.

Таким образом, в определении сущности РОА и роли Власова исследователи едины и солидарны с позицией советской историографией.

Что же касается определения численности РОА, то в отечественной историографии имеется незначительная разница в подходах историков – от 30 до 60 тыс. человек. Так, генерал армии М.А.Гареев приводит цифру в 30 тыс. человек, но при этом делает ссылку на Й.Хоффмана, который отмечает, что к апрелю 1945 года в РОА было 50 тыс. человек. Н.Коренюк также считает, что было собрано не более 30 тысяч не особо благонадежных людей. Другой исследователь Смыслов отмечает, что «из трех дивизии РОА только 1-я или 600-я по немецкой нумерации была боеспособной, остальные две были многотысячным сбродом людей, облаченных в

немецкую форму с власовскими нашивками. Следовательно, из 41000 солдат и офицеров трех соединений можно рассматривать как реальную силу лишь 1-ю дивизию РОА численностью 19000 человек». Аналогичную позицию занимает и исследователь П.А.Пальчиков, который утверждает, что в РОА с трудом были набраны две дивизии, от силы 40 тыс. человек. Но наиболее распространена в отечественной историографии цифра 50 тыс. человек. Не получила глубокого освещения в работах исследователей изучение боевого пути власовцев и, главным образом, их участие в боях с Красной Армией. Исследователь О.Герчиков отмечает, что были отдельные части, воинские соединения, которые сражались с союзниками во Франции и с советскими войсками на Одере. Данной темой занимался К.М.Александров, посвятивший две главы в своей работе участию власовцев в боях на Одере и в Пражском восстании.

Менее изученным в историографии является вопрос о степени эффективности, боеспособности власовской армии. И в оценке этого имеется две противоположные позиции. Так, Л.Решин, описывая бой с Красной Армией на Одере, указывает, что «батальоны отступили в беспорядке, оставив на поле боя убитых, раненых, оружие и амуницию». А исследователь Б.Соколов дает другую оценку деятельности РОА: «в тех случаях, когда отдельные русские батальоны оказывались на фронте, сражались они упорно». Однако тут же отмечает, что это скорее было мужество обреченных, нежели героизм сознательных борцов со сталинской тиранией. Ведь в случае отступления власовцам грозили суровые германские репрессии, советский же плен грозил им скорой и мучительной смертью.

К.М.Александров в оценке боеспособности власовцев говорит следующее: «при общем взгляде на ситуацию можно сделать вывод в пользу 1-й пехотной дивизии ВС КОНР: дивизия показала хорошие боевые качества, добившись за две недели частного успеха там, где его не могла добиться 391-я охранная дивизия Вермахта на протяжении двух месяцев. Менее чем за месяц

до окончания войны дивизия из граждан Советского Союза доказала свои потенциальные возможности в наступательной операции против Красной армии; наконец, за три недели пребывания дивизии на Восточном фронте мы можем назвать на основании оперативных документов лишь единственный случай перехода на сторону Красной Армии одного рядового из власовской дивизии, перебежавшего в полосу 119-го укрепленного района в 11.30 11 апреля 1945 г. ... Наиболее объективно итог единственной боевой операции на восточном фронте 1-й пехотной дивизии ВС КОНР подвела сухая запись от 14 апреля 1945 г. в дневнике боевых действий штаба ОКБ, резюмирующая: хотя атаки «примененных на нашей стороне русских сил» не достигли поставленной цели, они продемонстрировали «готовность этих сил к наступлению».

Не нашла поддержки в современной отечественной историографии концепция некоторых западных историков о так называемой «третьей силе», каковой «власовское движение», по их мнению, стало между Германией и Советским Союзом. Среди сторонников этой концепции необходимо отметить Е.Андрееву и, главным образом, В.К.Штрик-Штрикфельда, который даже назвал свои воспоминания «Против Сталина и Гитлера». Крупнейший отечественный исследователь М.И.Семиряга опровергает эту точку зрения западных историков, и говорит, что против Сталина власовцы действительно воевали уже с осени 1941 г. вплоть до 12 мая 1945 г. а против Гитлера они вели бои на протяжении всего лишь трех дней, да и то только в Праге. «Поэтому вряд ли правомерно считать, что Сталин и Гитлер были равноценными противниками власовцев. Значит в данном случае власовцы ни к какой мере не были «третьей силой», а сражались исключительно на стороне Германии, хотя их цели и могли не во всем совпадать» Принципиальное значение имеет оценка в историографии того, как правильно рассматривать создание «власовской армии»: в качестве детища германского руководства в условиях близкого поражения германии или же как

автономную акцию Власова и его сподвижников, предпринятую независимо или даже вопреки воле Гитлера. М.И.Семиряга считает, что рассматривать её как «саму по себе и независимо» от немцев значило бы не учитывать реальной обстановки, в которой она зарождалась и развивалась. Совершенно ясно, что беззаинтересованности германских военных властей любые иностранные воинские формирования были бы немыслимы. Другое дело, что в определенный период Гитлер был в этих формированиях менее заинтересован, чем в последний период войны»

Таким образом, в историографии существует до сих пор много неясностей, дискуссионных моментов вокруг фигуры А.А.Власова и «власовского движения». И одной из причин этого является то, что сам Власов не оставил никаких личных документов, и почти все, что историки пишут о его жизни до плена, стало известно из его рассказов друзьям и единомышленникам во время Второй мировой войны, после того как он номинально стал вождем Русского Освободительного Движения. Сообщения о жизни Власова по большей части исходят от людей, впервые встретивших Власова во время войны.

В Советском Союзе на протяжении всего послевоенного периода за всеми соединениями и подразделениями прочно закрепилось собирательное название «власовцы». Вместе с тем подавляющее их большинство никогда никоим образом генералу А.А.Власову не подчинялось и к созданной им в конце войны «Русской Освободительной Армии» (РОА) ни прямого, ни косвенного отношения не имело. Более того, невольно дав свое имя всем коллаборантам в собирательном смысле, сами власовцы составляли среди них явное меньшинство, что подтверждается всеми исследователями данной проблемы. Историки сходятся на мнении, что, Власов использовался вермахтом в пропагандистских целях при формировании частей добровольцев. Не достаточно изучен вопрос о боевом пути власовцев и степени их эффективности.

Анализ отечественной историографии показал, что наиболее полно

раскрыты вопросы военного и военно-политического коллаборационизма, как наиболее активной формы сотрудничества советских граждан с противником. Это нашло свое отражение в детальном анализе воинских формирований. При этом российские историки показали роль российской эмиграции в создании коллаборационистских вооруженных формирований, так и историю восточных легионов и роль отдельных народов.

Но еще много вопросов, которые требуют дальнейшего изучения в определении численности, применения и эффективности национальных частей на фронте.

В последние годы значительное внимание историки уделяли А.А.Власову и возглавляемой им Русской Освободительной армии (РОА). В работах современных российских историков подчеркивается, что Русское освободительное движение началось задолго до перехода на немецкую сторону командующего 2-й Ударной армией генерал-лейтенанта А.А.Власова, а коллаборационисты - это не только «власовцы». Споры историков наблюдаются при выяснении причин перехода генерал-лейтенанта на сторону Германии, хотя большинство российских историков согласны с тем, что Власов не был идейным борцом советской системы, вплоть до своей сдачи в плен и перешел на сторону врага, спасая свою жизнь. Что касается оценки эффективности власовцев в боевых действиях, то в отечественной историографии присутствуют абсолютно противоположные мнения. Поэтому этот и многие другие вопросы требуют дальнейшего изучения.

Заключение

Обращение к заявленной в дипломной работе теме было продиктовано состоянием отечественной историографии в освещении вопросов коллаборационизма советских граждан в . годы Великой Отечественной

войны. Проведенный нами анализ отечественной историографии показал, что вопросы коллаборационизма граждан СССР с врагом на сегодняшний день остаются во многом дискуссионными.

За весь период, прошедший со времени завершения Великой Отечественной войны историческая наука в нашей стране прошла три периода, на каждом из которых изучались - отдельные аспекты этой многогранной проблемы и давались разные оценки коллаборационизма советских граждан с немецкими оккупантами.

В советский период эта проблема находилась под строгим контролем органов КПСС тем самым практически не освещалась в литературе . Интенсивная разработка проблемы коллаборационизма началась в отечественной историографии лишь с периода «перестройки» и главным образом после распада СССР, когда обозначились разные подходы к этой сложной проблеме. С выходом в свет работ многих видных российских историков, таких как М.И.Семиряги, С.И.Дробязко, О.Романько и других стало очевидно, что данная проблема вышла на новый научный уровень. Теперь сотрудничество с врагом рассматривается не как банальное предательство, а как сложное социально-политическое явление, уходящее своими корнями вглубь десятилетий. Более того, ряд российских историков также начинает рассматривать коллаборационизм как способ выживания под пятой оккупантов. Они обращают внимание на такие факторы, как силовое или моральное давление оккупационного режима, в условиях которого часть советских граждан теряла привычные политические и моральные ориентиры, добровольно или принужденно становясь на путь сотрудничества. Свою роль сыграли нацистская пропаганда, националистические настроения, карьерных побуждения, соображения материальной выгоды и другие обстоятельства. Подобный подход позволяет рассматривать коллаборационизм как социальную проблему, связанную с

различными стратегиями выживания людей в экстремальных условиях немецкой оккупации. Все это создает возможности для осмысления коллаборационизма как более сложного явления, нежели это представлялось в советской и зарубежной историографии эпохи холодной войны.

Современные отечественные историки едины в том, что коллаборационизм как политическое явление стал результатом целого ряда причин: крупных неудач на фронте в 1941-1942 гг., способствующих депрессии, панике и подавленности, недовольства советским режимом и социальной неудовлетворенностью некоторых представителей привилегированных классов, страхом перед возмездием после того, как некоторые не по своей воле оказались в плену. По мере роста отпора захватчикам случаев перехода на сторону врага становилось все меньше. Особые причины для перехода на сторону противника существовали у населения западных районов СССР, что связано с советской оккупацией данных территорий в 1939-1940 гг., массовыми репрессиями, а также давней нелюбовью к русским.

Накопление значительного фактического материала по данной проблеме позволило отечественным историкам предложить различные варианты типологии коллаборационизма. Однако этот аспект остается на сегодняшний день не полностью изученным, поскольку не все выделяемые исследователями формы сотрудничества получили всестороннее освещение, за исключением, разве что военного коллаборационизма. Необходимо также отметить и то, что без внимания исследователей осталась такая форма коллаборационизма как концентрационный коллаборационизм. Поэтому проблема типологии коллаборационизма граждан СССР с врагом требует дальнейшего изучения и активной работы с источниками. Наиболее полно в современной историографии раскрыты вопросы военного и военно-политического коллаборационизма как самой активной формы сотрудничества

советских граждан с противником. В литературе нашли отражение создание и действия различных частей из советских граждан. Отечественные историки подчеркивают, что в них преобладали военнопленные красноармейцы, содержащиеся в невыносимых условиях.

Серьезные разногласия исследователей вызывает численность формирований и частей, созданных из граждан СССР. Советские историки не указали точное число коллаборационистов, подчеркивая его незначительность. Ряд западных историков считал, что общее число советских граждан, сотрудничавших с оккупантами, составляло около 1 млн. человек. Современные отечественные исследователи, опираясь на различные источники и принципы подсчета, существенно расходятся в определении общего количества коллаборационистов и численности разных формирований от 200 тыс. до 1,5-2 млн. человек.

Нет единства среди историков и в определении национального состава коллаборационистов.

Таким образом, на сегодняшний день вопрос численного и национального состава коллаборационистов сохраняет свой дискуссионный характер и требует дальнейшего изучения.

Отдельными сюжетами в изучении данной темы становятся вопросы истории национальных частей, восточных легионов. Обсуждение данной проблемы началось лишь в последнее время в силу чего ряд вопросов остаются неизученными и дискуссионными.

Российские историки раскрыли отношение германского командования к советским коллаборационистам, его цели в привлечении советских граждан к сотрудничеству, показали роль российской эмиграции в создании коллаборационистских вооруженных формирований.

Менее изучены в историографии невоенные формы сотрудничества, носившие достаточно широкий характер. Значительное внимание

исследователи в последние годы уделяли Русской освободительной армии генерал-лейтенанта А.А.Власова. В советской исторической литературе она рассматривалась в качестве символа предательства и измены. Отрывочные сведения о Власове были разбросаны по отдельным публикациям и мемуарам, а само имя генерала породило немало домыслов. В результате сам термин «власовцы» использовался как негативное нарицательное понятие для обозначения всех лиц, так или иначе сотрудничавших с немецкими оккупантами.

Последовавший в 1990-е годы всплеск интереса к личности и деятельности генерала Власова, к сожалению, не сопровождался новизной подходов в изучении темы. Авторы целого ряда работ пытались решить «проблему Власова» в рамках морально-этической дилеммы: кем был на самом деле генерал – предателем или героем? Работы с таким названием выходили как в России, так и в других странах. В целом, большинство российских историков достигли согласия в том, что Власов не был идейным борцом со Сталиным, вплоть до самой своей сдачи в плен, и перешел на сторону противника, спасая свою жизнь. Даже исследователи, отмечавшие, что «власовцы сражались упорно», видят в этом лишь страх перед репрессиями.

Заметим, что на изучение проблемы коллаборационизма по-прежнему оказывает политика. Одни считают, что все, кто воевал против СССР, были борцами против сталинского тоталитаризма, а те, кто сражался на стороне Красной Армии, служили лишь орудием реакционного коммунистического режима, тогда как другие придерживаются прямо противоположной точки зрения. Особенно отчетливо политизация проблемы сказывается в тех регионах, где проживают народы, депортированные в годы войны по обвинению «в измене родине». Обращение к вопросу о сотрудничестве представителей данных национальностей с оккупантами нередко

воспринимается достаточно обостренно, а как «продолжение травли народа», что в немаловажной степени осложняет изучение данного вопроса. Дальнейшие перспективы в развитии историографии проблемы, по-видимому, связаны, как с расширением источниковой базы исследований, так и с развитием новых подходов к ее пониманию.

Библиография

1. Александров К.М. Против Сталина. Власов и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сборник статей и материалов. СПб. 2003
2. Андреева Е. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. //Дружба народов, 1991, №5
3. Большая Советская Энциклопедия. М. 1953
4. Великая Отечественная война 1941-1945 гг.: Военно-исторические очерки. Кн.4, М. 1999
5. Гареев М.А. О мифах старых и новых. //Военно-исторический журнал 1991, №4
6. Герчиков О. Россия против Советов //Аргументы и факты 2003 № 39
7. Дробязко С.И. Вторая мировая война 1939-1945. Русская освободительная армия. М. 1998
8. Дробязко С.И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941-1945. М. 2004
9. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т.1 М. 1990
10. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945. Т.2, 6 М. 1961-1965
11. Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Иуды // Военно-исторический журнал
12. Катусев А.Ф., Оппоков В.Г. Движение, которого не было, или история власовского предательства// Военно-исторический журнал 1991 №4

- 13.Квицинский Ю.А. Генерал Власов: путь предательства. М. 1999
- 14.Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизмв России 1941-1944. М. 2004
15. Коренюк Н. Трудно расстаться с мифами. // Огонек. 1990 №46
- 16.Крикунов П. Казаки. Между Сталиным и Гитлером. Крестовый поход против большевизма. М. 2006
17. Крысин М.Ю. Прибалтика межд1 Сталиным и Гитлером. М. 2004
18. Кудряшов С. Предатели, «освободители» или жертвы войны? Советский коллаборационизм (1941-1942) // Свободная мысль, 1993.
№14
19. Левин Им. Генерал Власов по ту и эту сторону фронта. ДИП (Детектив. История. Политика) 1995 No2
20. Малиновский **В.В.** Кто он, российский коллаборационист: патриот или предатель? // Вопросы истории, 1996 № 11-12
21. Марагин А. Скользкий путь предательства//Аргументы и факты 2003,
№ 39
22. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933-1945 гг. М.
23. Новосильцев И. Андрей Андреевич Власов. // Родина 1991 № 3
24. Огороков А.В. Антисоветские воинские формирования в годы Второй мировой войны. М. 2000
25. Полян П. Жертвы двух диктатур: жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М. 2002
26. Раманичев Н.М. Власов и другие // Вторая мировая война: Актуальные проблемы. М. 1995
27. Решин Л. Коллаборационисты и жертвы режима// Знамя 1994, № 8
28. Решин Л, Кудряшов С. Освободители. Власов и Власовы.// Родина,1992, №8-9
29. Решин Л. «Русские пленные добровольно служить не идут...»,

//Известия, 1990 № 148

30. Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М. 2004

31. Романько О. «Советский легион Гитлера. Граждане СССР в рядах вермахта и се.м. 2006

32. Семенов К. Войска СС. М. 2004

33. Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М. 2000

34. Семиряга М.И. Судьбы советских военнопленных // Вопросы истории 1995 № Современный словарь иностранных слов. М. 1993

35. Современный словарь иностранных слов. М. 1993

36. Соколов Б. Коллаборационисты «дети советских народов»

//Независимая газета, 20 февраля 1992

37. Соколов Б. Русские коллаборационисты. патриоты 38. Смыслов О. «Пятая колонна» Гитлера. От Кутепова до Власова. М. 2004

38. Толмачева А.В. Боевой и численный состав и потери вооруженных сил противоборствующих сторон на советско-германском фронте в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). Диссертация, Красноярск, 2006

39. Тишков А.В. Предатель перед Советским судом. // Советское государство и право. 1973. №2

40. Хоффман Й. Власов против Сталина. Трагедия Русской Освободительной Армии 1944-1945 М. 2005

41. Хоффман Й. История власовской армии. Пер. с нем. Париж. 1990

42. Чуев С. Проклятые солдаты. М. 2004

43. Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. М. 1993

44. Ямпольский В.П. «Мусульманская плаха» для России. //Военно-исторический журнал 1996 №5